

*Д. Е. Алимов*

## **ОТ ЖУПАНОВ К АРХОНТАМ: СОЦИАЛЬНАЯ ЭВОЛЮЦИЯ ИЛИ НАРРАТИВНАЯ КОНСТРУКЦИЯ?\***

В социальной терминологии, отражающей становление первых властных институтов в славянском обществе, особое место принадлежит термину «жупан», издревле служившему у славян для обозначения лиц, наделенных властью и/или высоким социальным статусом. Существование жупанов в славянском мире впервые документально зафиксировано в 777 г. в грамоте баварского герцога Тассилона III основанному им монастырю в Кремсмюнстере, в которой упоминается жупан Фиссо, засвидетельствовавший своей клятвой границы населенной славянами декании<sup>1</sup> (небольшой хозяйственно-административной единицы, охватывавшей обычно несколько поселений<sup>2</sup>), пожалованной монастырю герцогом. То, что жупан фигурирует в данном документе в качестве лица, подтверждающего границы территории и лично указывающего их на местности представителям герцога, позволяет видеть в нем авторитетного представителя небольшой социальной единицы, состоявшей, возможно, из одной или нескольких деревенских общин. Впоследствии термин «жупан», существовавший в славянском мире на протяжении многих веков, не только неоднократно менял свое значение, но и обнаруживал большое разнообразие в сфере своего применения. В разное время и в разных славянских землях жупанами именовались верховные правители, представители родовой знати, члены княжеской дружины и должностные лица

<sup>1</sup> *Ронин В. К.* Грамота Тассило III Кремсмюнстерскому монастырю // Свод древнейших письменных известий о славянах. Т. II. (VII–IX вв.) / Сост. С. А. Иванов, Г. Г. Литаврин, В. К. Ронин; отв. ред. Г. Г. Литаврин. М., 1995. С. 432.

<sup>2</sup> См. комментарий В. К. Рониной: *Ронин В. К.* Грамота Тассило III... С. 432.

княжеского двора, главы единиц административного управления, а также сельские старосты, главы магистратов и корпораций<sup>3</sup>. Еще и сегодня в Хорватии и Словении термин «жупан» остается обозначением высоких должностных лиц в региональном аппарате управления.

Происхождение титула «жупан» в славянском мире является предметом непрекращающихся дискуссий. Однако гипотеза, связывающая появление у славян этого титула с аvaraми, выходцами из глубинных районов Азии, которые создали в 560-е гг. могущественное, просуществовавшее более двух веков политическое образование в Карпатской котловине, принадлежит к числу наиболее аргументированных. В ее пользу говорит не только морфологическое сходство слова «жупан» с другими социальными терминами, характерными для алтайских народов (таркан, кавхан, копан), но и сам факт наличия жупанов только у южных и западных славян, притом, что восточным славянам, не испытавшим в большинстве своем заметного аварского воздействия, данный титул, очевидно, не был известен. Попытки привести в качестве свидетельства общеславянского распространения института жупанов наличие в восточнославянских землях топонимов с корнем «жупан» нельзя считать весомыми аргументами в полемике, так как неизвестны ни время появления этих (к слову, весьма немногочисленных) топонимов, ни исторический контекст их возникновения. Так, впервые зафиксированное в 1498 г. название деревни Жупаново в Новгородской земле, рассматривавшееся противниками аварской гипотезы происхождения жупанов как важное свидетельство бытования института жупанов у восточных славян<sup>4</sup>, скорее всего, было образовано от соответствующего антропонима, засвидетельствованного у славян, и в том числе в Новгородской земле в форме *Жюпанко*<sup>5</sup>. Хотя антропоним был производным от социального термина «жупан», едва ли это дает основание делать вывод о существовании в восточнославянской среде института жупанов.

Алтайское происхождение титула «жупан» у славян подкрепляется присутствием данного титула (иногда в сочетании с другими тюркскими социальными терминами) среди должностных лиц Дунайской Болгарии — державы, основанной тюркоязычными булгарами, а также сделанной греческими буквами надписью на чаше, происходящей из приписываемого аvarам (иногда булгарам) сокровища, обнаруженного в Сынниколау Маре (Надь-Сентмиклош) в румынской части Баната, где упоминаются жупаны Бойла и Бутаул<sup>6</sup>. Недавно была предложена в целом убедительная, хотя и остающаяся по понятным причинам гипотетической, схема, согласно которой рас-

<sup>3</sup> См. подробно: *Procházka V.* Župa a župan // SA. 1968. Vol. 15. S. 1–59; *Bogucki A.* Komes w polskich źródłach średniowiecznych. Warszawa; Poznań, 1972; *Smiljanić F.* O položaju i funkciji župana u hrvatskim srednjovjekovnim vrelima od 9. do 16. stoljeća // Povijesni prilozi. Zagreb, 2007. Sv. 33. S. 33–102.

<sup>4</sup> *Lowmianski H.* Początki Polski. Z dziejów Słowian w I tysiącleciu n. e. T. II. Warszawa, 1970. S. 49–50.

<sup>5</sup> *Васильев В. Л.* Архаическая топонимия Новгородской земли (Древнеславянские деантропонимные образования). Великий Новгород, 2005. С. 194.

<sup>6</sup> *Malingoudis Ph.* Die Institution des Župans als Problem der frühslavischen Geschichte // Cyrillomethodianum. 1972. Vol. 2. S. 61–71; *Helimski E.* On probable Tungus-Manchurian origin of the Buyla inscription from Nagy-Szentmiklós // Studia Etymologica Cracoviensia. Cracoviae,

пространение социального термина «жупан» в Евразии было результатом своего рода культурной диффузии из Китая. Предполагается, что термин «жупан», появившийся в славянской среде благодаря аварам, был унаследован последними от иранцев Центральной Азии, где слово *čupan* означало наместника округа. Среди иранцев же данный термин появился вследствие усвоения ими китайской системы административных округов (*zhou*), которая впервые была введена в империи Хань, а в эпоху Южных и Северных династий (316–589 гг.), пережив серьезную трансформацию, когда единицы-*zhou* заметно уменьшились в размерах, стала достоянием варварских правителей, утвердившихся на севере Китая<sup>7</sup>.

То, что представители верхушки славянского социума стали именоваться аварским термином, очевидно, является результатом интеграции славянских социальных и поселенческих единиц (деревень, общин) в военно-иерархическую систему Аварского каганата, в которой славянские лидеры должны были составлять ее нижний уровень. Такое понимание характера распространения термина «жупан» в славянском мире хорошо соотносится с некоторыми, предложенными в последнее время в историографии, моделями сосуществования славян и аваров, подчеркивающими роль военно-административной инфраструктуры Аварского каганата в процессах языковой славянизации<sup>8</sup>, а также в распространении единообразного культурного габитуса<sup>9</sup>. Однако вне зависимости от того, считаем ли мы сам термин «жупан» аварским наследием или приписываем ему до-аварское происхождение, конкретизация статуса славянских лидеров, к которым в аварскую эпоху могло применяться обозначение «жупан», остается актуальной научной задачей.

В настоящей статье мы попытаемся определить, насколько релевантным для решения данной задачи является известие из трактата византийского императора Константина VII Багрянородного «Об управлении империей» (середина X в.) о том, как у южных славян на смену возглавлявшим их «старцам-жупанам» пришли обладавшие наследственной властью «архонты». Дело в том, что в историографии данное известие нередко рассматривалось в качестве ключевого свидетельства стадийности в развитии славянской социальной организации от первоначально акефального общества (эпоха «племенных старейшин»-жупанов) до политически организованного социума, в котором существовала центральная власть (эпоха «князей»-архонтов). Главный вопрос, который будет интересовать нас при рассмотрении данного известия, можно сформулировать следующим образом: в какой мере интерпретация данного известия под углом зрения социальной эволюции продиктована самой информацией источника,

---

2000. Vol. V. P. 268–277; *Madgearu A.* Were the župans really rulers of some Romanian early medieval polities? // *Revista de Istorie Socială*. 2004. Vol. IV–VII. P. 15–25.

<sup>7</sup> *Alemanu A.* From Central Asia to the Balkans: the title \*čū(b)-pān // In *Daēnā to Dîn: Religion, Kultur und Sprache in der iranischen Welt* / Ed. by C. Allison, A. Joisten-Pruschke, and A. Wendtland. Wiesbaden, 2009. S. 3–12.

<sup>8</sup> *Curta F.* The Slavic *lingua franca* (linguistic notes of an archeologist turned historian) // *East Central Europe*. 2004. Vol. 31. P. 125–148.

<sup>9</sup> *Dzino D.* Becoming Slay, becoming Croat: identity transformations in post-Roman and early medieval Dalmatia. Leiden, 2010. P. 171–174.

а в какой — теоретическим контекстом существующих в науке представлений о характере раннеславянского общества?

## 1. ЖУПАНЫ И АРХОНТЫ В DAI, с. 29:

### ПРОБЛЕМА ИНТЕРПРЕТАЦИИ

Глава 29 трактата «Об управлении империей», содержащая интересующий нас эпизод с жупанами и архонтами, входит в состав блока глав (29–36), в которых рассматриваются народы одного географического региона, приблизительно соответствующего пространству Далмации как позднеримской провинции. Византийская фема Далмация с центром в Задаре, существовавшая, по крайней мере, со второй половины IX в. на восточном побережье Адриатики, охватывала территории, населенные романскими жителями — прибрежные города (Задар, Трогир, Сплит, Дубровник, Котор) и острова в северной части Адриатического моря (Крк, Осор, Раб). Впрочем, в середине X в., когда писал свой трактат император Константин, даже в границах фемы Далмации византийское присутствие практически не ощущалось, что позволяет отдельным исследователям считать статус фемы применительно к данному периоду сугубо формальным<sup>10</sup>. Что же касается заселенного славянами хинтерланда, то существовавшие здесь в период составления трактата славянские княжества (Хорватия, Сербия, Пагания, Захумье, Травуния, Конавле, Дукля), очевидно, были неподконтрольны империи с самого момента своего зарождения в эпоху расселения славян на Балканах<sup>11</sup>. Тем не менее, в Константинополе все обширное пространство бывшей римской провинции Далмации<sup>12</sup>, включая существовавшие на ее территории «Склавинии»<sup>13</sup>, по-прежнему

<sup>10</sup> См.: Ančić M. 1) The waning of the empire. The disintegration of Byzantine rule on the Eastern Adriatic in the 9th Century // NAM. 1998. Vol. 4. P. 15–24; 2) Imperij na zalasku. Nestanak bizantske vlasti na istočnoj obali Jadrana u 9. stoljeću // Radovi Zavoda za povijesne znanosti HAZU u Zadru. 1999. Sv. 41. S. 1–20.

<sup>11</sup> Не вполне ясным остается лишь статус Дукли. Происходящая отсюда печать с именем архонта Петра недавно была отнесена к периоду «темных веков» (VII–VIII вв.), что позволяет думать о сохранении византийского присутствия на этой территории в тех или иных формах (см.: Новаковић Б. Дукља у спису *De administrando imperio* // ЗРВИ. 2012. Књ. 49. С. 84, бел. 47).

<sup>12</sup> В зависимости от источников, использованных в разных главах трактата «Об управлении империей», а также в зависимости от контекста, понятие «Далмация» использовалось в трактате как в узком смысле (для обозначения прибрежных городов и островов, населенных романцами), так и в широком значении, когда в состав Далмации включались территории расположенных в хинтерланде «Склавиний». В последнем случае можно говорить о приблизительном совпадении с пространством позднеримской Далмации (см. подробно: Lončar M. O Porfirogenetovoj Dalmaciji // Diadora. 1990. Sv. 12. S. 391–400).

<sup>13</sup> Термин «Склавиния» использовался в Византии по отношению к славянским политиям, расположенным как внутри империи (Балканы), так и за ее пределами (Восточная Европа) (см.: Литаврин Г. Г. Славинии VII–IX вв. — социально-политические организации славян // Этногенез народов Балкан и Северного Причерноморья: Лингвистика, история, археология. М., 1984. С. 193–203). Реальный статус Склавиний, расположенных на Балканах, по отношению к империи был неодинаков. В то время как Склавинии Македонии, Элады, Пелопоннеса были постепенно интегрированы в состав византийской административной

рассматривалось как интегральная часть империи ромеев, что нашло наиболее яркое воплощение именно в трактате «Об управлении империей»<sup>14</sup>.

Главы трактата 29–36, получившие в современной историографии условное название балканского или далматинского «досье»<sup>15</sup>, являются составной частью блока глав (14–42), в которых описываются народы, подвластные василевсу ромеев или так или иначе задействованные в политике империи. Как показал на основе тщательного анализа текста Р. Дж. Дженкинс, этот блок глав является наиболее ранним ядром трактата «Об управлении империей», первоначально представлявшим собой самостоятельное сочинение — трактат «О народах», который впоследствии был дополнен и переработан ученым императором в наставление по управлению страной для своего сына — будущего императора Романа II. Хотя Дженкинс ставил оба этапа работы над трактатом в один небольшой хронологический промежуток (между 948 и 952 гг.), он обратил внимание на то, что значительная часть информации в трактате «О народах» относится не к середине X в., а к IX столетию<sup>16</sup>. Отталкиваясь от этого наблюдения, Дж. Ховард-Джонстон недавно выступил с ревизией устоявшейся датировки создания трактата «Об управлении империей». Проанализировав хронологию событий в четырех «досье», составляющих текст «О народах», британский византинист предположил, что черновик работы «О народах» был составлен задолго до середины X в., а именно — в начале X в. (между 901 и 913 гг.) в правление императора Льва VI Мудрого (886–912 гг.)<sup>17</sup>. Данное предположение отчасти согласуется с осуществленным в недавнее время рядом исследователей пересмотром господствовавшей прежде

---

структуры, оказавшись под контролем стратигов соответствующих фем, Склавинии Далмации оставались фактически самостоятельными. О балканских «Склавиниях» и разной степени их подконтрольности Константинополю см. подробно: *Живковић Т.* Јужни Словени под византијском влашћу 600–1025. 2. изд. Београд, 2007. О механизмах интеграции Склавиний в административную структуру империи см.: *Цветковић М.* Укључивање Словена и Влаха у систем византијске провинцијске организације на југу Балкана до XI века. Сличности и разлике // ЗРВИ. 2012. Књ. 49. С. 19–41.

<sup>14</sup> См.: *Ančić M.* The waning of the empire... P. 16.

<sup>15</sup> Термин «балканское досье» использовал Дж. Ховард-Джонстон: *Howard-Johnston J.* The De administrando imperio: A re-examination of the text and a re-evaluation of its evidence about the Rus // *Les centres proto-urbains russes entre Scandinavie, Byzance et Orient. Actes du Colloque International tenu au Collège de France en octobre 1997 / Ed. par M. Kazanski, A. Necessian, C. Zuckermann.* Paris, 2001. P. 301–336. М. Анчич предложил более точное название «далматинское досье»: *Ančić M.* Ranosrednjovjekovni Neretvani ili Humljani: Tragom zabune koju je prouzročilo djelo De administrando imperio // *Hum i Hercegovina kroz povijest. Zbornik radova s međunarodnoga znanstvenog skupa održanog u Mostaru 5. i 6. studenog 2009.* Knj. I / Ur. I. Lučić. Zagreb, 2011. S. 230.

<sup>16</sup> *Jenkins R. J. H.* Introduction // *Constantine Porphyrogenitus. De administrando imperio. Vol. II: Commentar / Ed. by R. J. H. Jenkins with contributions by F. Dvornik, R. J. H. Jenkins, B. Lewis, Gy. Moravcsik, D. Obolensky, S. Runciman.* London, 1962. P. 1–8.

<sup>17</sup> *Howard-Johnston J.* 1) The De administrando imperio... P. 321–330; 2) Byzantine sources for Khazar history // *The World of the Khazars: New perspectives: Selected papers from the Jerusalem 1999 International Khazar Colloquium / Ed. by P. B. Golden, H. Ben-Shammai and A. Rona-Tas.* Leiden, 2007. P. 179.

датировки правления хорватских правителей, упоминаемых в 31-й главе трактата<sup>18</sup>, хотя, несомненно, еще нуждается в критической проверке, когда речь идет о ядре трактата в целом.

Ту часть 29-й главы (строки 54–216), в которой рассказывается о старцах-жупанах и пришедших им на смену архонтах, Р. Дженкинс относил к младшему слою<sup>19</sup>, так как здесь содержится отсылка к последующему «повествованию о хорватах и сербах» (главы 31–36)<sup>20</sup>. Исследователь заключил, что 29-я глава служила своего рода редакторским введением к созданному несколько ранее тексту глав 31–36, который может быть условно назван «Повествованием о хорватах и сербах»<sup>21</sup>. Что касается 30-й главы, то в историографии не без оснований возобладало мнение о том, что она была добавлена в текст уже после окончания работы над трактатом, причем не императором, а неизвестным автором, возможно, являвшимся уроженцем Далмации. Важным основанием для такой интерпретации служит концептуальное противоречие содержащейся в 30-й главе версии истории хорватов, в которой они выступают в качестве совершенно независимой от империи силы, тому, что сообщается о Славиниях в остальных главах «далматинского досье». Более того, характер изложения событий хорватской истории в 30-й главе таков, что позволяет с высокой степенью вероятности говорить об использовании при ее написании хорватской устной традиции<sup>22</sup>. В пользу более позднего создания главы, скорее всего, ограничивающегося периодом между 955 и 973 гг., свидетельствует наличие в ее тексте датирующих деталей — известий о подвластности Белой Хорватии Оттону I (936–973 гг.) и о дружественных отношениях ее с венграми, условия для которых могли наступить лишь после победы Оттона над венграми в 955 г.<sup>23</sup>

29-я глава носит название «О Далмации и соседствующих с нею народах». В ней Константин Багрянородный делает пространный экскурс в историю византийских владений на западе Балкан, начиная с эпохи императора Диоклетиана, будто бы поселившего римлян в Далмации. В частности, император подробно повествует о том, как варвары захватили Салону — столицу ранневизантийской Далмации, являвшуюся

<sup>18</sup> См. об этом: *Vedriš T. Razgovor ugodni: Konstantin VII Porfirogenet i percepcije najranije hrvatske povijesti // RZHP. 2010. Knj. 42. S. 28.*

<sup>19</sup> *Jenkins R. J. H. Introduction. P. 4–5.*

<sup>20</sup> «καθ ὃν μέλλει τρόπον ῥηθῆσεσθαι ἐν τῇ περὶ τῶν Χρωβάτων καὶ Σέρβλων συγγραφῆ» (*Constantine Porphyrogenitus. De administrando imperio. P. 124*). Перевод Р. Дж. Дженкинса: «as will be related in the narrative concerning the Croats and Serbs» (*Constantine Porphyrogenitus. De administrando imperio. P. 125*) — «как будет рассказано в повествовании о хорватах и сербах».

<sup>21</sup> *Jenkins R. J. H. Introduction. P. 4–5; см. также: Ančić M. Ranosrednjovjekovni Neretvani ili Humljani... S. 230.*

<sup>22</sup> См. подробно: *Hauptmann Lj. Dolazak Hrvata // Zbornik kralja Tomislava. Zagreb, 1925. S. 96–101; Grafenauer B. Prilog kritici izvještaja Konstantina Porfirogeneta o doseljenju Hrvata // HZ. 1952. God. V. Br. 1–2. S. 15–32; Margetić L. Konstantin Porfirogenet i vrijeme dolaska Hrvata // Zbornik Historijskog zavoda JAZU. Zagreb, 1977. Vol. 8. S. 11–31; Ančić M. Zamišljanje tradicije: Vrijeme i okolnosti postanka 30. glave djela De administrando imperio // RZHP. 2010. Knj. 42. S. 143–147.*

<sup>23</sup> См. подробный разбор дискуссии о датировке 30-й главы в историографии: *Lončar M. Porfirogenetova seoba Hrvata pred sudom novije literature // Diadora. 1992. Sv. 14. S. 377–390.*

крупнейшим политическим и религиозным центром региона. Согласно хорошо аргументированному мнению, этот подробный рассказ (строки 14–46), содержащий детали, обнаруживающие глубокое знание местных реалий, основывается на традиции, происходящей из Сплита — города, ставшего преемником оставленной жителями Салоны<sup>24</sup>. Следующая смысловая часть 29-й главы посвящена соседствовавшим с византийскими владениями славянским народам, считавшимся в Константинополе подвластными василевсу ромеев (строки 54–84). Известно о том, что эти народы были подвластны империи со времен императора Ираклия, Константин Багрянородный повествует далее, как в правление ряда императоров, в особенности при Михаиле Травле (820–829 гг.), влияние Византии в описываемом регионе резко ослабло, благодаря чему местные народы «взбунтовались против царства ромеев, оказались независимыми и самовластными, никому не подчиненными»<sup>25</sup>. Названия народов приводятся в упомянутом рассказе дважды, вследствие чего не приходится сомневаться в том, о каких именно Славиниях идет речь. Это хорваты, сербы, захумы (захумляне), тервуниоты (травуныяне), каналиты (конавляне), диоклетианы (дукляне) и паганы (неретвяне)<sup>26</sup>. Сообщив о том, как упомянутые народы отложились от власти империи, император счел нужным добавить: «Архонтов же, как говорят, эти народы не имели кроме старцев-жупанов (ζουπάνους γέροντας), как это в правилах и в прочих славиниях. Помимо этого, большинство этих славян не было крещено, и долгое время они оставались нехристиами»<sup>27</sup>. Как следует из дальнейшего изложения, ситуация изменилась лишь в правление Василия I Македонянина (867–886 гг.), когда, по словам императора Константина, славяне отправили послов к василевсу, «прося и умоляя его о том, чтобы некрещеные из них были крещены и они были бы, как и поначалу, подвластными василевсу ромеев». Рассказав о том, как Василий I исполнил просьбу славян, прислав священников и окрестив тех, кто еще не был крещен, император Константин вновь возвращается к теме об архонтах: «Тогда, после крещения, он (император Василий I. — Д. А.) поставил для них архонтов, которых они сами хотели и выбирали из рода, почитаемого и любимого ими. С тех пор и доныне архонты у них появляются из тех же самых родов, а не из какого-либо иного»<sup>28</sup>. Далее в главе содержится подробное повествование о действиях императора Василия против арабов на Адриатике (строки 84–216), смысловым ядром которого является история «сарацина»

---

<sup>24</sup> Lončar M. Porfirogenetova seoba Hrvata... S. 401–402.

<sup>25</sup> Константин Багрянородный. Об управлении империей. С. 113.

<sup>26</sup> Константин Багрянородный. Об управлении империей. С. 113.

<sup>27</sup> Константин Багрянородный. Об управлении империей. С. 113. — «Ἄρχοντας δέ, ὡς φασι, ταῦτα τὰ ἔθνη μὴ ἔχειν, πλὴν ζουπάνους γέροντας, καθὼς καὶ αἱ λοιπαὶ Σκλαβηνίαι ἔχουσι τύπον. Ἀλλὰ καὶ οἱ πλείονες τῶν τοιούτων Σκλάβων οὐδε ἐβαπτίζοντο, ἀλλὰ μέχρι πολλοῦ ἔμμενον ἀβάπτιστοι» (*Constantine Porphyrogenitus. De administrando imperio / Greek text ed. by Gy. Moravcsik; Engl. transl. by R. J. H. Jenkins. Washington, 1967. P. 124.*)

<sup>28</sup> Константин Багрянородный. Об управлении империей. С. 115. — «...Καὶ μὰ τὸ βαπτίσει αὐτοὺς τότε προεβάλετο εἰς αὐτοὺς ἄρχοντας, οὓς ἐκεῖνοι ἤθελον καὶ προέκριναν, ἀπὸ τῆς γενεᾶς, ἧς ἐκεῖνοι ἠγάπων καὶ ἔστεργον. Καὶ ἔκτοτε μέχρι τοῦ νῦν ἐκ τῶν αὐτῶν γενεῶν γίνονται ἄρχοντες εἰς αὐτοὺς, καὶ οὐκ ἐξ ἑτέρας» (*Constantine Porphyrogenitus. De administrando imperio. P. 126.*)

Солдана, попавшего в плен после взятия Бари, и, наконец, содержится подробное описание городов и островов фемы Далмации (строки 217–295).

Какие же задачи стояли перед Константином Багрянородным при введении в текст трактата известия о том, как император Василий поставил славянам архонтов вместо существовавших у них прежде «старцев-жупанов»? В последнее время исследователи все более отходят от использования трактата «Об управлении империей» как энциклопедического историко-этнографического справочника, своего рода резервуара раз-ной по происхождению информации о раннем прошлом варварских народов, которая, будучи освобождена от обусловленных теми или иными факторами искажений, может быть использована для реконструкции далекого прошлого. Соответственно информация глав 29–36 стала трактоваться, в первую очередь, в связи с идейным замыслом трактата в целом, подчиненным, как считается, задачам репрезентации византийского имперского порядка<sup>29</sup>, и отраженным в содержании далматинского досье «социальном знании» императорского двора<sup>30</sup>.

Соглашаясь в целом с таким подходом, следует заметить, что он задает лишь самые общие рамки понимания текста. Вопрос о том, что из сообщаемого в трактате подчинено задачам изображения правильной истории, а что является встроенным в нарратив элементом «локального знания», по-прежнему сохраняет свою актуальность<sup>31</sup>. Важнейшей новацией авторов постмодернистского направления в интерпретации глав далматинского досье мы считаем отнесение на счет идеологической репрезентации прошлого таких сюжетов ранней истории хорватов и сербов, как их переселение с севера на Балканы и крещение<sup>32</sup>. Подобная позиция представляется нам более последовательной и методологически корректной, нежели господствовавший

<sup>29</sup> См.: *Dzino D. Pričam ti priču: ideološko-narativni diskursi o dolasku Hrvata u De administrando imperio // RZHP. 2010. Knj. 42. S. 153–165.*

<sup>30</sup> См.: *Ančić M. Ranosrednjovjekovni Neretvani ili Humljani... S. 230–240.*

<sup>31</sup> На это справедливо обращает внимание И. Басич: *Basić I. Neka pitanja tekstualne transmisije izvora Porfirogenetovih poglavlja o Dalmaciji // RZHP. 2012. Knj. 44. S. 175.* — См. проблемный обзор актуальных на сегодняшний день исследовательских позиций: *Vedriš T. Razgovor ugodni: Konstantin VII Porfirogenet i percepcije najranije hrvatske povijesti // RZHP. 2010. Knj. 42. S. 13–36; Živković T. Nova tumačenja vesti o južnoslovenskim gentes u De administrando imperio vizantijskog cara Konstantina VII Porfirogenita (944–959) // Godišnjak Centra za balkanološka ispitivanja ANU BiH. Sarajevo, 2012. Knj. 41. S. 201–210.*

<sup>32</sup> *Todorov B. Byzantine myths of origins and their functions // SSBP. 2008. № 2 (4). С. 64–72; Curta F. Emperor Heraclius and the conversion of the Croats and Serbs // Medieval Christianitas. Different Regions, «Faces», Approaches / Ed. by Ts. Stepanov and G. Kazakov. София, 2010. С. 121–138; Dzino D. Becoming Slav, becoming Croat... P. 104–117; Borri F. White Croatia and the arrival of the Croats: An interpretation of Constantine Porphyrogenitus on the oldest Dalmatian history // Early Medieval Europe. 2011. Vol. 19 (2). P. 204–231. Ср. нашу позицию по данному вопросу: *Алимов Д. Е. 1) «Переселение» и «крещение»: К проблеме формирования хорватской этничности в Далмации // SSBP. № 2 (4). 2008. С. 94–116; 2) Формирование хорватской этнополитической общности в Далмации в зеркале этногенетической традиции // Российские и славянские исследования. Минск, 2009. Вып. IV. С. 93–101; 3) Хорваты в Далмации в VII–IX вв.: Формирование этнополитической общности // Ранние формы политических систем / Сост. и отв. ред. В. А. Попов. СПб., 2012. С. 279–329.**

прежде подход, подразумевавший априорное восприятие переселения и крещения как реальных событий истории. Однако, занимаясь «деконструкцией» нарратива о переселении, необходимо принять во внимание, что так называемый «эпос миграции» был характерной чертой саморепрезентации варварских элит как в Европе<sup>33</sup>, так и в других регионах мира<sup>34</sup>. Следовательно, зачислять концепт миграции исключительно на сторону византийского социального знания было бы как минимум неосторожно.

Вопрос о соотношении в соответствующих сюжетах трактата «Об управлении империей» элементов дружинного эпоса и книжного знания относится к числу дискуссионных, что, пожалуй, связано не столько с результатами источниковедческой критики, сколько с исходными посылками авторов, обусловленными противоположными методологическими позициями так называемых Венской и Торонтской школ по вопросу интерпретации этнического дискурса в памятниках жанра *origo gentis*<sup>35</sup>. Не вдаваясь в полемику, которая бы увела нас далеко от нашей темы, попробуем в качестве гипотезы принять тезис, согласно которому миграция хорватов и сербов, по крайней мере, в том виде, в каком она представлена в тексте трактата, *в той или иной степени* является идеологически обусловленной конструкцией, отвечающей задачам трактата. Если следовать в рамках данной линии интерпретации, то как содержательные, так и смысловые расхождения между изображением истории хорватов и сербов в 29-й главе, с одной стороны, и в главах 31–36 — с другой, становятся весьма показательными.

Так, из содержания глав 31–36 со всей очевидностью следует, что Далмация, с того момента как император Диоклетиан поселил здесь римлян, почти всю свою историю пребывала под властью василевса. Правда, на некоторое время, вследствие вторжения аваров, изгнавших римлян, Далмация оказалась отторгнутой от империи. Такое положение дел не было особенно продолжительным: вскоре порядок был восстановлен императором Ираклием. Василевс повелел хорватам пойти войной на аваров, что те и сделали, освободив Далмацию от узурпаторов, а на остальных землях, оставшихся пустыми из-за аваров, поселил перебежавших к нему людей из земли под названием «Боики» (Богемии?), которые стали именоваться «сербами», то есть «рабами» василевса<sup>36</sup>. При этом в тексте «Повествования о хорватах и сербах» неоднократно

---

<sup>33</sup> См.: *Wolfram H. Einleitung oder Überlegungen zur Origo Gentis // Typen der Ethnogenese unter besonderer Berücksichtigung der Bayern. Teil 1 / Hrsg. von H. Wolfram und W. Pohl. Wien, 1990. S. 19–34.*

<sup>34</sup> См.: *Белков П. Л. «Эпос миграций» в системе атрибутов традиционной власти // Символы и атрибуты власти: генезис, семантика, функции. СПб., 1996. С. 63–71.*

<sup>35</sup> О характере этих методологических расхождений см.: *On barbarian identity: Critical approaches to ethnicity in the early Middle Ages / Ed. by A. Gillett. Turnhout, 2002.*

<sup>36</sup> Известия трактата о подвластности хорватов и сербов императору Ираклию традиционно рассматривались в историографии как тенденциозные, в связи с чем было принято считать, что те и другие переселились на Балканы самостоятельно. Налицо подход, предполагающий субъективный отбор информации из источника по признаку «правдоподобия». На уязвимость такого подхода в последнее время справедливо указывал Т. Живкович: *Živković T. Constantine Porphyrogenitus' source on the earliest history of the Croats and Serbs // RZHP. 2010. Knj. 42. S. 117–120.*

повторяется тезис о том, что от сербов произошли также прочие славянские «народы», населявшие Далмацию (неретвяне, захумляне, травуняне, конавляне). В историографии до сих пор преобладает мнение, согласно которому известия трактата о происхождении перечисленных общностей от сербов отражают надплеменной, то есть фактически «этнический» характер ранней сербской идентичности<sup>37</sup>. На наш взгляд, подобное понимание сербской (равно как и хорватской) идентичности в VII–X вв. весьма проблематично в свете известных на сегодняшний день механизмов возникновения и поддержания групповой кохезии в варварском обществе<sup>38</sup>. По этой причине мы склонны солидаризироваться с более осторожной позицией Т. Живковича, недавно отметившего, что вопрос о том, кем в социальном смысле были сербы, появившиеся в «темные века» на Балканском полуострове, все еще требует разрешения<sup>39</sup>. Более того, учитывая отчетливо выраженное стремление представить далматинские Склавиинии искони подвластными василевсу, в неоднократно повторенном в трактате утверждении о сербском происхождении неретвлян, захумлян, травунян и конавлян трудно не заподозрить значение, выходящее за пределы простой историко-этнографической справки, ведь из него следует, что не только сербы, известные под этим именем в середине X в., но и прочие упомянутые «народы» суть потомки «рабов» Ираклия. Правда, данное наблюдение совсем не подразумевает вывода, что перечень народов, происходящих от сербов — рабов Ираклия, носит случайный характер. Учитывая политический характер этнического дискурса в труде императора Константина, в нем, скорее всего, следует усматривать стремление отразить в этнических терминах политическое верховенство «архонтии» Сербии над приморскими Склавииниями<sup>40</sup>.

<sup>37</sup> Научную поддержку подобный взгляд получил уже на заре славяноведения, когда, например, Й. Добровский отождествил сербов с загадочными «спорами», являвшимися, по известному сообщению Прокопия Кесарийского, общими предками склавинов и антов. Тезис о надплеменном, этническом характере ранней сербской идентичности стал исходным для многих работ, посвященных проблемам происхождения сербского этноса и формированию сербского этнического пространства на Балканах в раннее Средневековье. Наиболее широкий охват материала по теме демонстрируют работы Р. Новаковича, развивавшего идею о большой миграции сербов из Полабья на Балканы: *Новаковић Р. (=Novaković R.)* 1) Одакле су Срби дошли на Балканско полуострво (Историјско-географско разматрање). Београд, 1978; 2) *Baltički Sloveni u Beogradu i Srbiji*. Beograd, 1985. Новейшим примером похожей трактовки сербской идентичности может служить работа К. Фокта, в которой сербская общность трактуется как особый, «надплеменной» уровень этнического единства, будто бы занимающий промежуточное положение между узким «племенным» и общеславянским: *Fokt K* *Serbowie w najdawniejszym podziale Słowiańszczyzny* // SA. 2003. T. XLIV. S. 9–32.

<sup>38</sup> См.: Алимов Д. Е. Хорватская идентичность в раннее Средневековье: проблема интерпретации // Вестник СПбГУ. Сер. 2. 2013. Вып. 4. С. 99–108.

<sup>39</sup> *Živković T.* O роџецима Bosne u ranom srednjem vijeku // *Godišnjak Centra za balkanološka ispitivanja ANU BiH*. Sarajevo, 2010. Knj. 39. S. 158.

<sup>40</sup> См.: *Budak N.* 1) Die südslawischen Ethnogenesen an der östlichen Adriaküste im frühen Mittelalter // *Typen der Ethnogenese unter besonderer Berücksichtigung der Bayern*. Teil 1 / Hrsg. von H. Wolfram und W. Pohl. Wien, 1990. S. 129–136; 2) *Prva stoljeća Hrvatske*. Zagreb, 1994. S. 58–61.

Содержание 29-й главы значительно корректирует схему истории Славиний, отраженную в «Повествовании о хорватах и сербах». Оказывается, что как хорваты, так и сербы и произошедшие от них народы не только не были покорны василевсу как его преданные слуги или рабы, но и открыто взбунтовались против империи, в результате чего все упомянутые Славинии стали полностью самостоятельными и независимыми. В результате Василию I, как в свое время Ираклию, восстановившему власть империи над Далмацией после вторжения аваров, пришлось заново восстанавливать имперский порядок в славянском мире, разрушенный из-за небрежения преемников Ираклия. Характеризуя место, занимаемое в 29-й главе процитированным выше фрагментом об архонтах и жупанах, необходимо отметить, что содержательно, а местами и текстуально рассказ об уходе Далмации из-под власти империи и ее возвращении под эту власть в правление Василия I совпадает с соответствующим рассказом в еще одном произведении императора Константина. Речь идет о составляющем пятую книгу «Хроники Продолжателя Феофана» «Жизнеописании Василия», где также подробно сообщается (в главах 52–54) об отпадении славян от власти империи и о возвращении их под эту власть в правление Василия I. Правда, в «Жизнеописании Василия» в «небрежении западными делами», приведшими к восстанию славян, судя по контексту, обвиняется непосредственный предшественник Василия Михаил III, что противоречит не только сведениям трактата «Об управлении империей», но и второй книге «Хроники Продолжателя Феофана», посвященной Михаилу II, где также говорится о том, что именно в правление этого императора Далмация отложились от империи. Хотя перечень народов, отложившихся от империи, в обоих произведениях полностью совпадает, а само их отпадение описывается в очень похожих выражениях<sup>41</sup>, в тексте «Жизнеописания Василия» не содержится информации о том, что славяне управлялись «старцами-жупанами».

Любопытные нюансы в информации данного источника имеются и в том, что касается отношения славян к христианству. Так, в трактате «Об управлении империей» император сообщает, что «большинство этих славян (οἱ πλείονες τῶν τοιούτων Σκλάβων) не было крещено». В свете информации 32-й главы, где сообщается о том, как император Ираклий крестил «всех сербов», подобная формулировка в 29-й главе может навести на мысль, что Константин Багрянородный, описывая ситуацию с крещением славян при Василии, руководствовался не фактом принятия христианства местной элитой, а степенью распространения христианства в «народе», что совершенно необычно для той эпохи<sup>42</sup>. Между тем, в «Жизнеописании Василия» говорится о том, что

---

<sup>41</sup> «К тому же еще и скифы, обитающие в Паннонии, Далмации и лежащих за ними землях (я имею в виду хорватов, сербов, захлумов, тервуниотов, каналитов, диоклетианов и рентавов), сбросили узду исконного ромейского владычества, приобрели самостоятельность и самовластие и управляться стали только собственными правителями» (*Продолжатель Феофана. Жизнеописания византийских царей / Перевод, статья, комментарии Я. Н. Любарского. СПб., 1992. С. 183*).

<sup>42</sup> На странность такой формулировки справедливо указал Т. Живкович, для которого она служит дополнительным обстоятельством, заставляющим усомниться в достоверности сообщаемой императором информации (см.: *Živković T. On the baptism of the Serbs and Croats in the time of Basil I (867–886) // SSBP. 2013. № 1 (13). С. 36*).

большая часть славян «отреклась от Божественного крещения», что выглядит более логичным, если речь идет о крещении элит<sup>43</sup>.

Наконец, при описании возвращения славян под власть ромеев, после сообщения об их крещении посланными василевсом священниками, в «Жизнеописании Василия», так же как и в трактате «Об управлении империей», говорится о том, как василевс поставил архонтов славянским народам. В отличие от трактата «Об управлении империей», где просто констатируется поставление архонтов, уже избранных славянами, в «Жизнеописании Василия» автор счел необходимым пояснить мотивы и подчеркнуть мудрость такого шага василевса: «По свершении сего богоугодного деяния, когда сподобились все Божественного крещения и вернулись к покорности ромеям, приобрела там полноту царская власть, и по человеколюбивому повелению властителя все получили себе в правители людей из своего племени. Ибо не стал он продавать должности правителей, чтобы поставить командовать тех, кто заплатит побольше и будет стричь, как овец, его подданных. Вот почему, поступая весьма разумно, он поставил править людей, ими самими выбранных и как бы утвержденных, кои как выборные правители должны были сохранять к ним отеческое благоволение»<sup>44</sup>.

Сопоставление текстов трактата «Об управлении империей» и «Жизнеописания Василия» свидетельствует о наличии у императора Константина логичной и хорошо продуманной версии общего прошлого славян восточного берега Адриатики, в которой главные вехи их истории — крещение и появление княжеских династий — связывались не с именем императора Ираклия, а с именем Василия I Македонянина. В большой роли императора Василия I в активизации политики империи на западе Балканского полуострова, действительно, не приходится сомневаться. Об этом свидетельствуют такие акции императора, как описанная в 29-й главе трактата «Об управлении империей» отправка флота на помощь осажденному арабами Дубровнику в 867 г., а также предпринятая в 870 г. византийская экспедиция против неретвлян, захвативших папского посла, о которой сообщают западные источники<sup>45</sup>. Все указывает на то, что императору удалось укрепить присутствие Константинополя в прибрежных городах Далмации и, вероятно, именно при нем эта отдаленная от столицы византийская территория получила статус фемы<sup>46</sup>. Кульминацией достигнутых Василием I в регионе

<sup>43</sup> «А большая их часть впала в отступничество еще большее и отреклась от божественного крещения, так что уж не было у них больше залогов дружбы и служения ромеям». Когда в следующей, 54-й главе, сообщается о посольстве славян к Василию с просьбой снова принять их под ярмо державы ромеев, автор снова отмечает, что среди славян были отступники от христианства: «Поэтому и они тоже (и те, что отложились, оставшись в той же вере, и те, что вовсе отреклись от Божественного крещения) отправили послов к царю, напомнили ко времени об исконном своем служении и сколь полезны были они некогда для ромеев и просили отдать их под милосердное ярмо Ромейской державы и власти ее пастыря» (*Продолжатель Феофана*. Жизнеописания византийских царей. С. 185–186).

<sup>44</sup> *Продолжатель Феофана*. Жизнеописания византийских царей. С. 185.

<sup>45</sup> Подробнее об этих событиях см.: *Живковић Т.* Јужни Словени под византијском влашћу 600–1025. С. 245–246, 423–425.

<sup>46</sup> См.: *Ферлуга Ј.* Византиска управа у Далмацији. Београд, 1957. С. 66–67. — Правда, в свете известий бенедиктинского монаха Готтшалка о столкновении хорватского дукса Трпимира с «народом греков», возглавлявшимся патрикием, высказывались мнения и

политических успехов можно считать приход к власти в Хорватии в 878 г. византийского ставленника Здеслава вместо свергнутых с престола сыновей Домагоя<sup>47</sup>. Вместе с тем, все перечисленные события отнюдь не тождественны описываемому императору Константином водворению в Далмации имперского порядка, на что неоднократно обращалось внимание исследователями.

Далеко не очевиден, вопреки распространенному в историографии мнению, и вклад Василия в христианизацию южных славян. Правда, в рассказе арабского путешественника Харуна Ибн Йахьи, дошедшем до нас в составе нескольких позднейших сочинений, старейшим из которых является энциклопедический труд Ибн Ростэ «Книга дорогих ценностей» (начало X в.)<sup>48</sup>, содержится туманное известие о крещении славян в правление «царя Басуса». После описания городов Македонии здесь говорится: «Выехав оттуда, проходят через леса среди (поселений) славян; имеют они дома из дерева, в которых живут. Они являются христианами, которые приняли христианство во времена короля Басуса; исповедуют они также сегодня христианство. Едут среди них в течение одного месяца, через их леса, добираясь, наконец, до города, называемого Балатис»<sup>49</sup>. Даже если упомянутый Ибн Ростэ правитель *Б.сус*, действительно, тождествен императору Василию I Македонянину, в чем не может быть никакой уверенности<sup>50</sup>, едва ли на основании одного этого текста можно делать далеко идущие выводы о крещении в правление этого византийского императора многочисленных славянских племен, населявших обширные территории вдоль пути из Фессалоники в Сплит (Балатис).

---

о более раннем учреждении фемы. Так, Л. Маргетич предположил, что Трпимир воспрепятствовал распространению на Сплит византийской власти из Задара, где незадолго до это была учреждена фема (*Margetić L. 1) Bilješke uz Trpimirovu ispravu (CD I, 3–8) // Zbornik radova Pravnog fakulteta u Splitu. 1993. God. 30. Br. 1. S. 50–51; 2) Bilješke u vezi s nastankom hrvatske države u 9. stoljeću // Etnogeneza Hrvata. S. 146*). Стратигом фемы счел упомянутого Готтшалком патрикия и Т. Живкович, который склонился к еще более ранней датировке ее основания, усматривая в упомянутом в «Анналах королевства франков» под 821 г. «префекте провинции» Иоанне стратига, который, в отличие от своего предшественника, дукса Павла, распространял власть уже не только на Задар, но и на другие далматинские города (*Живковић Т. Тактикон Успенског и тема Далмација // ИЧ. 2002. Књ. 48. С. 34–35*).

<sup>47</sup> См. анализ обстоятельств этого события: *Ančić M. 1) The waning of the empire... 18–20; 2) Imperij na zalasku... S. 13–17*.

<sup>48</sup> Свое путешествие из Константинополя в Рим через Фессалонику, земли южных славян и Венецию Харун Ибн Йахья совершил, как считается, около 900 г. или даже раньше — в 880–890-е гг. (см.: *Мишин Д. Е. Сакалиба (славяне) в исламском мире в раннее средневековье. М., 2002. С. 28–29, 44*).

<sup>49</sup> *Źródła arabskie do dziejów Słowiańszczyzny / Wyd. T. Lewicki. Wrocław; Warszawa; Kraków, 1977. T. II. Cz. II. S. 27*. — Город «Балатис», согласно общепринятой идентификации, предложенной Й. Марквартом, тождествен Сплиту (*Źródła arabskie do dziejów Słowiańszczyzny. S. 54*).

<sup>50</sup> Имя «Б.сус» производится большинством исследователей от греческого слова «василевс», в то время как идентификация его носителя именно с Василием I всецело строится на вышеупомянутой информации из сочинений Константина Багрянородного (см.: *Мишин Д. Е. Сакалиба (славяне) в исламском мире... С. 28*).

Все прочие суждения о крещении в правление Василия I сербов и соседних им славянских «народов», встречающиеся в историографии, основываются либо на априорном доверии к информации императора Константина, либо на интерпретации косвенных свидетельств<sup>51</sup>, и — что особенно важно — не подтверждаются сколь-нибудь ясно результатами археологических или искусствоведческих изысканий. Из всех перечисленных императором Константином Склавиний на западе Балкан лишь в отношении Дукли можно с большей или меньшей уверенностью говорить об участии Византии в местной церковной жизни, в том числе в IX в., что, однако, не означает автоматически того, что местные славяне приняли крещение именно в правление императора Василия I<sup>52</sup>.

<sup>51</sup> Не является исключением и новейшая попытка Т. Живковича приписать Василию I установление церковной власти Константинополя над «архонтией» Сербией. Основным аргументом исследователя является упоминание в письме папы Иоанна VIII сербскому князю Мутимиру «акефальных» священников, которых Т. Живкович считает пришедшими в Сербию из Византии (см.: *Živković T. On the baptism of the Serbs and Croats...* С. 42–46). П. Коматина справедливо отмечает, что говорить о христианизации Сербии в правление Василия I безосновательно, хотя допускает, что среди упомянутых в адресованном Мутимиру папском письме клириков могли быть священнослужители, проникшие в Сербию с территории соседней Моравской митрополии, входившей в состав Болгарии и находившейся в подчинении Константинополя (см.: *Коматина П. Моравски епископ Агатон на Фотијевом сабору 879. г. // Српска теологија данас (Зборник радова Првог годишњег симпозиона одржаног на Православном богословском факултету 29–30. маја 2009.) / Уредник Б. Шилјаковић. Београд, 2010. С. 367).*

<sup>52</sup> В начале IX в. в соседних с Дуклей византийских городах Которе, Улцине и Будве, а также в ряде мест Боки Которской, где, очевидно, проживали славяне, было воздвигнуто несколько храмов (см.: *Ковачевић Ј. Од досељења Словена до краја XII вијека // Историја Црне Горе. Књ. I. Од најстаријих времена до краја XII вијека. Титоград, 1967. С. 355–359).* Оживление церковного строительства в районе Боки Которской, очевидно, было связано с деятельностью которского епископа, притом, однако, что есть некоторые основания говорить об экономических и культурных импульсах из Франкской державы, активно расширявшей в это время сферу своего влияния на Балканах. На франкское присутствие указывает датируемая началом IX в. надпись с именами супругов — донаторов церкви св. Стефана во Врановичах, одно из которых — *Hurocus* — как показала И. Николаевич, соответствует германскому имени Унрок (*Unroc, Hunroculus*), довольно часто встречающемуся во франкских и лангобардских источниках VIII–IX веков (*Hrvati i Karolinzi. D. II. Katalog. Split, 2000. S. 149*). Возможно, не является случайным и то, что ближайшим аналогом двух центрических храмов типа вписанного креста — церкви св. Фомы в Прчане, предположительно датируемой началом IX в. (*Korać V. Crkva sv. Tome u Prčanju u Boki kotorskoj // ЗФФБ. 1970. Књ. XI. Бр. 1. С. 107–117*), и собора св. Трифона в Которе, освященного в 809 г., — является церковь в Жермињи-де-Пре, домовая капелла Теодульфа, епископа Флери, освященная в 806 г. (см.: *Marasović T. «Quincunx» u ranosrednjovjekovnoj arhitekturi Dalmacije // SHP. Ser. III. 1990. Sv. 20. S. 221–222*). На этом фоне аргументом в пользу важной роли Константинополя и, возможно, именно Василия I в последующем укреплении христианства в Дукле могло бы являться строительство базиликальной церкви в Мартиничах близ Служа, которую некоторые авторы датируют второй половиной IX в. (см. подробно: *Kopač B. Мартинићи: Остаци раносредњовековног града. Београд, 2001; Јанковић Ђ. Српско поморје од 7. до 10. столећа. Београд, 2007. С. 126–128*). Есть основания полагать, что именно крепость Мартиничи была в IX столетии политическим и

Откуда же появилась в трудах императора Константина та версия славянской истории, которая отводит императору Василию I решающую роль в исторических судьбах семи Склавиний, расположенных на западе Балканского полуострова? К счастью, в распоряжении исследователей есть источник, отчасти позволяющий понять логику, которой руководствовался император Константин. Это «Тактика» императора Льва VI Мудрого (886–912 гг.), где при описании военных обычаев славян содержится лаконичная, но исключительно важная для понимания нашего сюжета запись. Ее текст гласит: «Наш отец и император ромеев Василий в силу выпавшего на его долю Божественного жребия отвратил этот народ (славян. — Д. А.) от архаических племен и склонил к грекам, учредив управление по ромейскому образцу и удостоив их крещения, освободил их от рабства собственных вождей и наставил воевать против народов, враждебных ромеям»<sup>53</sup>. Из текста источника невозможно понять, о каких именно славянах идет речь. По мнению Т. Живковича, данное известие могло отражать успехи императора Василия I по интеграции в церковное и политическое пространство империи Склавиний Македонии, Элады и, возможно, Пелопоннеса<sup>54</sup>. Между тем, даже если такие успехи имели место, о них мало что известно. Информация, которой располагают исследователи, сводится, по сути, к упоминанию в числе участников собора 879 г. ряда епископов из населенных славянами областей Греции<sup>55</sup>, однако лишь в отношении епархии Дрогувитии, в названии которой ясно читается имя славянского

---

церковным центром Дукли. Традиционное в историографии отождествление этой крепости с упомянутой Константином Багрянородным в числе «великих населенных каструмов» Дукли Лондодоклой недавно было оспорено Б. Новаковичем, отождествившим Мартиничи с крепостью Градеты из того же перечня: *Новаковић Б.* 1) Лонтодокла и питање континуитета Дукље // Изд. 2006. Бр. 1–4. С. 251–262; 2) Дукља у спису *De administrando imperio*. С. 80–83; 3) Карта као извор за поглавља 29–36 списка *De administrando imperio* // Иницијал. Часопис за средњовековне студије. 2013. Књ. 1. С. 37–38.

<sup>53</sup> *Лев VI Мудрый.* Тактика Льва / Изд. подготовил В. В. Кучма; отв. ред. Н. Д. Барабанов. СПб., 2012. С. 281. — «Ταῦτα δὲ ὁ ἡμέτερος ἐν θεῖα τῇ λήξει γινόμενος πατὴρ καὶ Ῥωμαίων αὐτοκράτορ Βασίλειος τῶν ἀρχαίων ἐθνῶν ἔπεισε μεταστῆναι, καὶ Γραιχώσας, καὶ ἄρχουσι κατὰ τὸν Ῥωμαϊκὸν τύπον ὑποτάξας, καὶ βαπτίσματι τιμήσας τῆς τε δουλείας ἠλευθέρωσε τῶν ἑαυτῶν ἀρχόντων, καὶ στρατεύσθαι κατὰ τῶν Ῥωμαίων πολεμοῦντων ἐθνῶν ἐξεπαίδευσεν» (Leonis Imperatoris *Tactica* / Ed. J.-P. Migne // *Patrologiae cursus completus. Series Graeca*. Т. 107. Paris, 1863. Col. 969).

<sup>54</sup> *Живковић Т.* Јужни Словени под византијском влашћу 600–1025. С. 248–249. — Христианизация славян на Пелопоннесе развернулась еще в начале IX в., когда специально для этих целей в 805–806 гг. была основана митрополия с центром в Патрах (см. подробно: *Коматина П.* Оснивање Патраске и Атинске митрополије и Словени на Пелопонезу // ЗРВИ. 2009. Књ. 46. С. 27–52). Однако жившие на полуострове славянские «племена» милингов и эзеритов неоднократно восставали против империи, о чем подробно сообщается в 50-й главе трактата императора Константина «Об управлении империей».

<sup>55</sup> *Живковић Т.* Јужни Словени под византијском влашћу 600–1025. С. 176–177. — Хотя в правление Василия I наблюдается некоторое оживление церковного строительства в византийских провинциях на Балканах, ничто не дает оснований считать, что построенные в это время в Греции храмы (такие, например, как величественная церковь Успения в Скрипу в Беотии) были как-то связаны с попытками христианизировать славянское население (см.: *Curta F.* *Southeastern Europe in the Middle Ages, 500–1250*. Cambridge, 2006. P. 119–120).

«племени» другувитов (дреговичей?), можно относительно безбоязненно говорить о ее миссионерском характере.

Т. Живкович высказал весьма убедительное, на наш взгляд, суждение о том, что именно процитированный выше пассаж «Тактики», написанной отцом Константина Багрянородного, Львом VI, побудил императора Константина приписать Василию I роль преобразователя славянского мира в хинтерланде Далмации<sup>56</sup>. Недавно хорватский историк М. Анчич снова сопоставил между собой информацию интересующих нас источников, высказав ряд ценных замечаний. По мнению исследователя, смысл появления пассажей о поставлении славянских архонтов в «Жизнеописании Василия» и трактате «Об управлении империей» заключается в том, что информация об устройстве варварской власти, содержащаяся в «Повествовании о хорватах и сербах», расходилась с традиционными для византийской историографии представлениями о социальном устройстве славянского мира. Прилагая к их анализу концепцию «ориентализма», хорватский историк пишет о том, что эти представления отвечали византийскому «колониальному» дискурсу, так как в их рамках славяне мыслились как акефальное общество, нуждавшееся в должном устройении со стороны императора. Соответственно такому пониманию, Анчич рассматривает известия «Тактики», «Жизнеописания Василия» и трактата «Об управлении империей» как взаимосвязанные попытки объяснить изменения в реальном мире, отталкиваясь от наличного «социального знания». Что касается конкретного упоминания «старцев-жупанов», то исследователь готов допустить его происхождение из неизвестного нам более раннего источника, отражавшего опять-таки «социальное знание» византийцев<sup>57</sup>.

Нам представляется продуктивной идея М. Анчица, согласно которой в случае с антитезой «жупаны — архонты» мы имеем дело со своеобразной византийской социальной теорией, а не с сугубо политической идеологией. Поэтому важно понять, чем же в рамках этой теории жупаны отличались от архонтов? В тексте трактата «Об управлении империей» жупаны упоминаются всего несколько раз. Одно из этих упоминаний содержится в 32-й главе трактата, посвященной сербам. Рассказывая о попытках болгар подчинить Сербию в 920-е гг., император Константин сообщает о том, как болгары обманули сербских жупанов: «Болгары же известили жупанов, чтобы те прибыли к ним и приняли Часлава к себе архонтом. Вызвали они их с помощью клятвенных заверений, но довели [лишь] до первой деревни и, немедленно связав их, вступили в Сербию...»<sup>58</sup> Очевидно, что жупанами здесь именуются некие знатные лица, окружавшие правителя, что находит некоторое соответствие в известиях хорватских грамот Трпимира и Мунцимира, в которых жупаны выступают в качестве членов совета при князе, должностных лиц аппарата управления и придворных (см. ниже).

Совсем иной статус жупана предполагает информация, которая содержится в 34-й главе трактата, посвященной травунянам и конавлянам. Здесь сообщается о том, как сербский архонт Властимир выдал свою дочь за Краину, сына Белое, жупана Травунии. Вслед за этим говорится: «Желая оказать честь своему зятю, он нарек его

<sup>56</sup> Живковић Т. Јужни Словени под византијском влашћу 600–1025. С. 248–249.

<sup>57</sup> Ančić M. Ranosrednjovjekovni Neretvani ili Humljani... S. 244–248.

<sup>58</sup> Константин Багрянородный. Об управлении империей. С. 147.

архонтом, сделав его самовластным (αὐτεξούσιον). От него родился Фалимер, а от него Чузимер. Но архонты Тервунии всегда были послушны архонту Сербии»<sup>59</sup>. На основании информации 32-й главы, сообщающей о деяниях сербских архонтов, правление Властимира может быть приблизительно датировано второй четвертью IX в.<sup>60</sup> Долгое время в историографии считалось, что известие о Властимире и Белое, как и остальная информация о деяниях сербских архонтов, попало на страницы трактата императора Константина из так называемой «Хроники сербских правителей», существование которой на основе характера изложения событий в 32-й главе предположил Г. Острогорский<sup>61</sup>. Однако, как убедительно показал Т. Живкович, наиболее вероятным источником информации о ситуации в Сербии после 890 г. была отнюдь не некая гипотетическая хроника, а дипломатическая переписка<sup>62</sup>. Учитывая, что рассказ о Властимире и Белое относится к наиболее раннему пласту информации о сербах, которой располагали в Константинополе<sup>63</sup>, можно полагать, что информация о правителе Травунии попала в Константинополь задолго до того, как император Константин добавил к имевшимся у него материалам историю обустройства славянского мира в правление Василия I.

Сообщение о травунском жупане интересно тем, что в качестве внешней силы, легитимировавшей его власть и превратившей его в архонта, выступает не Византия, как в случае со «старцами-жупанами» в 29-й главе, а «архонтия» Сербия, правители которой, в свою очередь, были подвластны империи со времен Ираклия. При этом информация о происходивших из рода Белое травунских архонтах Фалимере и Чузимере корреспондирует с сообщением 29-й главы о происхождении всех славянских архонтов из тех родов, власть которых была признана Василием I. С этой точки зрения данное сообщение можно трактовать как введение политического порядка в Травунию через «представителя» Византии — сербского архонта<sup>64</sup>. Между тем, в трак-

<sup>59</sup> *Константин Багрянородный*. Об управлении империей. С. 151. — «Θέλων δε οὗτος τὸν ἴδιον γαμβρὸν δοῦσάσαι, ὠνόμασεν αὐτὸν ἄρχοντα, ποιήσας αὐτὸν αὐτεξούσιον. Εἰς ἐκείνου δε ὁ Φαλιμέρης ἐγεννήθη, καὶ ἀπ' ἐκείνου ὁ Τζουζήμερις. Ἦσαν δε οἱ τῆς Τερβουνίας ἄρχοντες αἰεὶ ὑπὸ τὸν λόγον τοῦ ἄρχοντος Σερβλίας» (*Constantine Porphyrogenitus. De administrando imperio*. P. 162).

<sup>60</sup> См. подробно: *Живковић Т.* Портрети српских владара (IX–XII век). Београд, 2006. С. 11–20.

<sup>61</sup> *Острогорски Г.* Порфириогенитова хроника српских владара и њени хронолошки подаци // ИЧ. 1948. Књ. 1–2. С. 24–29.

<sup>62</sup> *Живковић Т.* О такозваној «Хроници српских владара» из списка *De administrando Imperio* цара Константина VII Порфириогенита // Византијски свет на Балкану / Уредници Б. Крсмановић, Љ. Максимовић, Р. Радић. Београд, 2012. С. 313–332.

<sup>63</sup> Как показал Т. Живкович, этот наиболее ранний пласт информации освещал события сербской истории приблизительно до 856 г. Новое подробное изложение событий в Сербии, основанное, главным образом, на данных дипломатической переписки, прослеживается приблизительно с 890 г. (см.: *Živković T.* De Conversione Croatorum et Serborum: a lost source. Belgrade, 2012. P. 171–176). В отдельном критическом рассмотрении, выходящем за пределы задач настоящей статьи, нуждается гипотеза Т. Живковича о существовании латинского источника «*De conversione Croatorum et Serborum*», будто бы использованного императором Константином для составления «Повествования о хорватах и сербах».

<sup>64</sup> См.: *Ферлуга Ј.* Византија и постанак најранијих јужнословенских држава // ЗРВИ. 1968. Књ. 11. С. 60.

тате есть свидетельства поставления архонтов, никак не связанные с византийским имперским дискурсом. Так, при описании в 30-й главе трактата восстания хорватов против франков сообщается: «Не в силах вынести этого от франков, хорваты восстали против них, перебив архонтов, которых те им поставили»<sup>65</sup>. Еще более показательным для понимания «социального знания» императора о характере власти в варварских обществах является содержащийся в трактате подробный рассказ о появлении архонтов у «турок» (венгров). В 38-й главе трактата, основывающейся, как считается в историографии, на венгерской этногенетической традиции<sup>66</sup>, рассказывается об эпохе, когда венгры проживали по соседству с хазарами в стране Леведии, будто бы названной по имени венгерского «воеводы» Леведии. Среди прочего, здесь сообщается: «Турок было семь племен, но архонта над собой, своего ли или чужого, они никогда не имели; были же у них некие воеводы, из которых первым являлся вышеназванный Леведия»<sup>67</sup>. Далее в главе говорится о том, как хазарский каган инициировал избрание архонта турок. Обращаясь к воеводе Леведии, каган будто бы заявил: «Мы позвали тебя ради того, чтобы избрать тебя, поскольку ты благороден, разумен, известен мужеством и первый среди турок, архонтом твоего народа и чтобы ты повиновался слову и велению нашему»<sup>68</sup>. С тех пор, когда вследствие отказа Леведии архонтом был избран Арпад, «турки», которые до Арпада «никогда не имели другого архонта», «выдвигают архонта Турции из этого рода»<sup>69</sup>. Таким образом, в случае с венграми, как и в случае со славянами в 29-й главе, поставление архонта связывается с вмешательством верховной власти, тогда как для описания автохтонной варварской властной структуры используется негреческий термин местного происхождения — «воевода», «жупан».

Из приведенных известий трактата о поставлении архонтов в варварском мире становится ясно, что мы не можем говорить о них как об исключительно византийских наместниках или представителях византийского имперского порядка<sup>70</sup>, так как наряду с византийским императором в роли тех, кто поставлял архонтов, выступали франки, хазарский каган и сербский архонт. Вместе с тем, было бы также неправильно трактовать архонта просто как обладателя более сильной власти, наследственного правителя,

<sup>65</sup> *Константин Багрянородный*. Об управлении империей. С. 133. — «Μη δυνάμενοι δε οἱ Χρῶβάτοι ταῦτα παρὰ τῶν Φράγγων ὑφίστασθαι, διέστησαν ἀπ' αὐτὸν, φονεύσαντες καὶ οὓς εἶχον ἄρχοντας ἐξ αὐτῶν» (*Constantine Porphyrogenitus. De administrando imperio. P. 144*).

<sup>66</sup> См. подробно с обзором предшествующей литературы: *Шушарин В. П.* Ранний этап этнической истории венгров. Проблемы этнического самосознания. М., 1997. С. 141–167.

<sup>67</sup> *Константин Багрянородный*. Об управлении империей. С. 159. — «Καὶ οἱ μὲν Τοῦρκοι γενεαὶ ὑπῆρχον ἐπτά, ἄρχοντα δε εἰς αὐτοὺς εἶτε ἴδιον, εἶτε ἀλλότριόν ποτε οὐκ ἐκτήσαντο, ἀλλ' ὑπῆρχον ἐν αὐτοῖς βοεβόδοί τινας, ὧν πρῶτος βοεβόδος ἦν ὁ προρρηθεὶς Λεβεδιάς» (*Constantine Porphyrogenitus. De administrando imperio. P. 170*).

<sup>68</sup> *Константин Багрянородный*. Об управлении империей. С. 161.

<sup>69</sup> *Константин Багрянородный*. Об управлении империей. С. 161. — «Πρὸ δε τοῦ Αρπαδῆ τοῦτου ἄρχοντα ἕτερον οἱ Τοῦρκοι οὐκ ἐκτήσαντο πῶποτε, ἐξ οὗ καὶ μέχρι τῆς σήμερον ἐκ τῆς τοῦτου γενεᾶς ἄρχων Τουρκίας καθίσταται» (*Constantine Porphyrogenitus. De administrando imperio. P. 172*).

<sup>70</sup> Ср.: *Koder J.* Zu den Archontes der Slaven in De Administrando Imperio 29, 106–115 // *Wiener Slavistisches Jahrbuch*. 1983. Bd. 29. S. 128–131.

признанного в таком качестве Византией<sup>71</sup>. Налицо присутствие в тексте трактата теоретической модели «политогенеза» в варварском обществе, в которой средством усиления и возвышения местного вождя, превращения его в «самовластного» правителя, является легитимация его высокого статуса вышестоящей властной структурой. Как можно было убедиться, эта модель применялась в трактате к весьма разным ситуациям. Общим, однако, было стремление объяснить появление в варварском обществе правителей, признававшихся в Константинополе архонтами, то есть, если угодно, правителями в истинном смысле слова.

## 2. СТАРЕЙШИНЫ ИЛИ ВОЖДИ?

### DAI, с. 29 и ПРОБЛЕМА ЖУПАНОВ в ИСТОРИОГРАФИИ

Еще в середине XIX в. в трудах Ф. Палацко и П. Й. Шафарика стала оформляться концепция, согласно которой жупаны были основным элементом властной структуры в раннеславянском обществе, представляя собой старейшин славянских племен. Так называемые жупы и/или жупании, фигурирующие в источниках X–XIV вв. в качестве территориальных сегментов средневековых славянских государств, расположенных на Балканском полуострове — Хорватии, Боснии и Сербии, рассматривались при этом как территориальные эквиваленты древних племенных единиц, возглавлявшихся жупанами<sup>72</sup>. В конце XIX – первой половине XX в. данная концепция получила широкое распространение в сербской и хорватской историографии (Ф. Рачки, С. Новакович, Ф. Шишич, М. Ланович и др.), позволив исследователям использовать данные о структуре жуп и характере проживавших в них родственных коллективов для реконструкции реалий раннеславянского общества. При этом считалось, что с появлением у южных славян государственности жупы, сохранив родовой принцип своего внутреннего устройства, превратились в административные единицы государств, а жупаны стали основой аппарата управления при верховном правителе, также вышедшем из среды жупанов. В западнославянских землях термин «жупа» для обозначения территории не использовался: жупой именовалась здесь сама должность жупана (как правило, представителя административного аппарата) и связанные с нею доходы<sup>73</sup>. Однако, несмотря на это обстоятельство, представление о месте жуп и жупанов в социальной организации древних славян, которое распространилось в чешской и польской науке в конце XIX – первой половине XX в. (О. Бальцер, К. Кадлец, Л. Нидерле, К. Тыменецкий и др.), почти не отличалось от взглядов сербских и хорватских ученых. Согласно влиятельной концепции чешского историка К. Кадлеца, жупой именовался возглавляемый жупаном

---

<sup>71</sup> Ср.: *Ferluga J.* (= *Ferluga J.*) 1) Византија и постанак најранијих јужнословенских држава. С. 60–61; 2) Archon: ein Beitrag zur Untersuchung der südslavischen Herrschertitel im 9. und 10. Jahrhundert im Lichte der byzantinischen Quellen // *Tradition als historische Kraft* / Hrsg. von N. Kamp und J. Wollasch. Berlin, 1982. S. 254–266.

<sup>72</sup> Историю концепции см.: *Грачев В. П.* Из истории изучения славянских средневековых институтов (Вопрос о жупах и жупанах в историографии) // *Ученые записки Института славяноведения АН СССР.* 1965. Т. 29. С. 178–209.

<sup>73</sup> *Procházka V.* Župa a župan // *SA.* 1968. Vol. 15. S. 1–59; *Bogucki A.* Komes w polskich źródłach średniowiecznych. Warszawa; Poznań, 1972. S. 83–86.

союз из нескольких родов, совокупно занимавших определенную территорию, причем жупа была базовым уровнем интеграции славянского общества в иерархической структуре, состоявшей из жупы, малого племени и большого племени<sup>74</sup>.

Известие 29-й главы трактата императора Константина о смене жупанов архонтами рассматривалось в рамках концепции «жупной организации» как отражение реального процесса трансформации демократического славянского общества на пути становления государственности, когда наследственная княжеская власть пришла на смену авторитету «племенных старейшин». Так, например, хорватский медиевист Ф. Рачки, автор монументального исследования о социальной истории Хорватии в раннее Средневековье, находил в словах императора Константина о старцах-жупанах полное соответствие более ранним свидетельствам византийских источников («Война с готами» Прокопия Кесарийского, «Стратегикон» Маврикия, «Тактика» Льва) об одновременном существовании в славянском обществе множества лидеров и нетерпимости славян к единовластию<sup>75</sup>. Подобная интерпретация известия о смене жупанов архонтами, усматривающая в нем свидетельство важной вехи в социальной эволюции славянского мира на Балканах, стала практически общепринятой в историографии, притом, конечно, что датировка этой социальной перемены и оценка роли в ней Византии нередко разнились.

Между тем, уже в начале XX в. была предпринята попытка оспорить традиционное представление о месте жупанов в славянском обществе, казавшееся отдельным историкам «романтическим». Новую картину социальной истории ранних славян представил в своих трудах чешский историк Я. Пейскер, полагавший, что определяющую роль в славянском социальном развитии сыграло подчинение славянского населения германским и тюрко-монгольским завоевателям. Отталкиваясь от наличия в XIII–XIV вв. в ряде районов Нижней Штирии (районы городов Лашко, Севница и Брежице в Словении) большого количества жупанов, засвидетельствованного данными урбариев (земельных описей), Пейскер пришел к выводу о существовании в этих районах особого наследственного слоя жупанов, что отличалось от ситуации в других, населенных альпийскими славянами, землях, где жупанами именовались деревенские старосты. Усмотрев в статусе штирийских жупанов следы глубокой архаики, Пейскер с помощью ретроспекции, а также соотнесения местных порядков с ситуацией в других славянских землях, попытался определить первоначальный характер института жупанов в славянском мире. Выводы исследователя звучали революционно: древнейшие жупаны были аварскими скотоводами, устраивавшими зимние пастбища в местах славянских поселений, жители которых были обязаны снабжать кормом аварский скот<sup>76</sup>. Хотя концепция Пейскера о жупанах как скотоводах не получила широкого распространения, а его анализ данных

<sup>74</sup> Kadlec K. O politycznym ustroju Słowian, zwłaszcza zachodnich, przed X wiekiem // Encykłopedya polska. T. IV. Cz. 2. Dz. V. Początki kultury słowiańskiej / Opracowali A. Bruckner, L. Niederle, K. Kadlec. Kraków, 1912. S. 31–73.

<sup>75</sup> Rački F. Nutarnje stanje Hrvatske prije XII. stoljeća / Priredio M. Ančić. Zagreb, 2009. S. 199.

<sup>76</sup> Peisker J. 1) Die älteren Beziehungen der Slawen zu Turko-Tataren und Germanen und ihre sozialgeschichtliche Bedeutung. Berlin, 1905; 2) The expansion of the Slavs // The Cambridge Medieval History / Ed. by H. M. Gwatkin and J. P. Whitney. Vol. II. Cambridge, 1913. P. 418–458.

урбариев был вскоре подвергнут критике австрийским историком А. Допшем<sup>77</sup>, сама идея о том, что жупаны могли восходить к аварскому господствующему слою, неоднократно реанимировалась в последующей историографии.

В середине XX в. словенский медиевист Л. Хауптманн снова тщательно рассмотрел проблему штирийских жупанов. Отвергнув ряд критических замечаний А. Допша в адрес результатов исследования урбариев, осуществленных Пейскером, Хауптманн согласился с выкладками последнего относительно распределения жупанов в штирийских деревнях, прежде всего в районе Лашко, где количество жупанов по отношению к кметам явно превышало аналогичные показатели в других местах. Однако, в отличие от Пейскера, Хауптманн объяснял статус этих жупанов не их якобы аварским происхождением, а тем, что в указанном районе будто бы сохранились свойственные древним славянам небольшие задружные деревни, возглавлявшиеся задружными старейшинами-жупанами<sup>78</sup>. Это отличало статус данных жупанов от позднейших деревенских старост, существовавших в больших деревнях, возникших позднее в результате колонизации и втягивания сельского населения в феодальную зависимость. Таким образом, Хауптманн по сути реабилитировал теорию, связывавшую происхождение жупанов с племенным устройством раннеславянского общества. Важно, однако, что отдельные выводы исследователя — о наследственном характере власти жупанов, их господствующем положении в деревне и наличии у них отдельного хозяйства — противоречили традиционным представлениям о базовых принципах этого устройства (выборность власти, эгалитарный характер социума, общее хозяйство членов задруги), на что указал в своей рецензии словенский историк Б. Графенауэр<sup>79</sup>.

Отмеченное Графенауэром противоречие, однако, не было столь существенным, чтобы на основании ретроспективного анализа словенских материалов поставить под сомнение традиционное представление о жупанах как о родовых старейшинах. В большей степени такую возможность предоставлял хорватский и сербский материал, в трактовке которого с течением времени обозначились позиции, конкурирующие с концепцией жупной организации раннеславянского общества. Важной отправной точкой для ревизии традиционных взглядов стало изучение хорватских жупаний, перечисленных в 30-й главе трактата «Об управлении империей». Внутренняя структура жупаний, в которой ясно читаются признаки дожившей до Средневековья античной инфраструктуры, размеры и, что особенно важно, соотношение друг с другом, указывают скорее на то, что жупании изначально создавались в качестве административных единиц<sup>80</sup>. Правда, еще в середине XX в. хорватский исследователь О. Мандич, сопоставив жупании, перечисленные в трактате «Об управлении империей», с жупами, зафиксированными применительно к хорватской территории в позднейших источниках, выдвинул тезис, согласно которому жупании и жупы суть две разные формы территориальной

---

<sup>77</sup> *Dopsch A.* Die ältere Sozial- und Wirtschaftsverfassung der Alpenlawen. Weimar, 1909.

<sup>78</sup> *Hauptmann Lj.* Staroslovenska družba in obred na knežjem kamnu. Ljubljana, 1954. S. 67–74.

<sup>79</sup> *Gräfenaue B.* Vprašanja županov, «Hrvatov» in ustoličevanja koroških vojvod // *Naša sodobnost*. 1955. Letnik 3. Št. 11–12. S. 1125–1146.

<sup>80</sup> *Smiljanić F.* Prilog proučavanju županijskog sustava sklavinije Hrvatske // *Etnogeneza Hrvata*. S. 186–187.

организации. По мнению исследователя, территории жуп, организованных по принципам «старого родового устройства» и возглавлявшихся «жупными» жупанами, покрывались системой административных единиц Хорватского государства — жупаний, возглавлявшихся жупанами «королевскими»<sup>81</sup>. Мнение Мандича о дуальной организации (деление по жупам и жупаниям) было вскоре оспорено Н. Клаич, справедливо указавшей как на возможную неполноту перечня жупаний в труде императора Константина, так и на недостаточную обоснованность служившей для Мандича важным аргументом локализации нескольких жуп на территории Клисской жупании<sup>82</sup>. Вопрос о соотношении понятий «жупа» и «жупания» так и остался открытым, вследствие чего в современной литературе можно встретить как отождествление этих понятий, так и их дифференциацию.

Проанализировав сведения источников о жупах Сербии и Боснии, российский историк В. П. Грачев показал, что большинство районов, которые в историографии было принято именовать жупами, фигурируют под этим обозначением только в Летописи попа Дуклянина, а также в источниках XIV–XV вв., когда они входили в состав Боснийского государства. То обстоятельство, что многие районы, не входившие ранее в состав Боснийского государства, стали именоваться жупами в источниках, только став его составными частями, позволило Грачеву высказать предположение об административном характере этого обозначения. Хотя Грачев не исключал возможности существования в догосударственный период неких «племенных» жуп, исследователь подчеркивал, что рассмотренные им источники не могут служить свидетельством их существования<sup>83</sup>. Выводы Грачева были созвучны соображениям польского историка Т. Василевского, также не нашедшего в известном материале источников никаких подтверждений расхожему представлению о жупах как о древнеславянских «племенных» единицах<sup>84</sup>.

Несмотря на то, что доводы в пользу позднейшего происхождения жуп выглядят достаточно вескими, представление о жупе как об архаичной славянской единице не утратила своего влияния и в последующей историографии. Так, например, Х. Ловмянский, одним из первых откликнувшись на критику древнего происхождения жуп, вовсе не счел существенным тезис об их административном характере. Ссылаясь на предполагаемую архаичность самого названия «жупа», а также небольшие

<sup>81</sup> Mandić O. Bratstvo u ranosrednjovjekovnoj Hrvatskoj // HZ. 1952. God. V. Br. 3–4. S. 277–284.

<sup>82</sup> Klaić N. [=Клаић Н.] 1) Postanak plemstva dvanaestero plemena kraljevine Hrvatske // HZ. 1959. God. XI–XII. S. 14–64; 2) Новији радови на друштвеној проблематици средњовековне Хрватске // Годишњак историског друштва Босне и Херцеговине. Год. X (1949–1959). Сарајево, 1959. С. 341–342.

<sup>83</sup> Грачев В. П. 1) Термины «жупа» и «жупан» в сербских источниках и трактовка их в историографии (К изучению политической организации в средневековой Сербии) // Источники и историография славянского средневековья / Отв. ред. С. А. Никитин. М., 1967. С. 51–52; 2) Сербская государственность в X–XIV вв. Критика теории «жупной организации». М., 1972. С. 90–100.

<sup>84</sup> Wasilewski T. Les župy et les županie des slaves méridionaux et leur place dans l'organisation des états médiévaux // I Miedzynarodowy kongres archeologii słowiańskiej. Wrocław, 1970. S. 217–223.

размеры называемых этим словом административных единиц, исследователь был готов допустить только их небольшую модификацию в период существования средневековых государств. По мнению Х. Ловмянского, странным было бы считать, что при создании административной сети в государственную эпоху не были бы учтены территориальные единицы предшествующего «племенного» периода<sup>85</sup>. Понятно, что подобный подход практически выводит решение проблемы из дискуссионного поля, превращая его в дело веры того или иного автора. В настоящее время словенский археолог А. Плетерский пытается вдохнуть новую жизнь в концепцию жупной организации, стараясь наполнить ее новейшими исследовательскими результатами из области реконструкции архаичных пластов славянской духовной культуры. Предлагая посмотреть на раннеславянское общество «изнутри», то есть с точки зрения реконструируемого им мировидения ранних славян, исследователь представляет жупу как базовую единицу идентичности раннеславянского мира, своего рода микрокосм, центральную структуру которого будто бы определяли три культовых места, расположение которых в природном ландшафте соответствовало функциям основных славянских божеств<sup>86</sup>. Однако какими бы убедительными не казались нам реконструкции славянской сакральной топографии, осуществленные исследователем на микрорегиональном уровне<sup>87</sup>, их релевантность для анализа реальных форм потестарной организации далеко не очевидна. Иными словами, доказательством существования жупы как потестарной единицы они служить не могут, а любое их «встраивание» в старую концепцию жупной организации не выходит за пределы априорной конструкции.

Еще один аспект критики теории жупной организации связан с информацией о жупанах, содержащейся в древнейших хорватских письменных документах — грамотах хорватских правителей Трпимира и Мунцимира. В грамоте Трпимира от имени хорватского дукса сообщается, что он построил монастырь «с общего совета со всеми моими жупанами» (*commune consilium meis cum omnibus zuppanis*)<sup>88</sup>. В эсхатокле грамоты жупаны фигурируют в числе свидетелей, заверивших ее своими подписями, и называются сразу за именем князя. Сведения грамоты Трпимира позволяют заключить, что жупаны входили в ближайшее окружение дукса, и что такие акции, как строительство монастыря, осуществлялись правителем после совета с жупанами. В грамоте Мунцимира, так же как и в грамоте Трпимира, содержится указание на совет дукса с представителями знати: от имени самого Мунцимира сообщается, что правитель передает Сплитской архиепископии церковь св. Георгия в Путале со всеми владениями с согласия всех своих «верных» и «первых лиц народа» (*communi consilio cum*

---

<sup>85</sup> *Lowmiański H.* Początki Polski. Z dziejów słowian w I tysiącleciu n. e. T. IV. Warszawa, 1970. S. 47–48.

<sup>86</sup> *Плетерский А.* О «the Making of the Slavs» изнутри // SSBP. 2008. № 2 (4). С. 33–36.

<sup>87</sup> *Pleterski A.* 1) The trinity concept in the Slavonic ideological system and the Slavonic spatial measurement system // Światowit. 1995. Vol. 40. S. 113–143; 2) Strukture tridelne ideologije v prostoru pri Slovanih // ZČ. 1996. Letnik 50. Št. 2. S. 163–185.

<sup>88</sup> *Codex diplomaticus regni Croatiae, Dalmatiae et Slavoniae.* Vol. I: Diplomata annorum 743–1100 continens / Redegit Marko Kostrenčić. Collegerunt et digesserunt Jakov Stipišić et Miljen Šamšalović. Zagrabiae, 1967 (далее — CD). S. 4.

*meis cunctis fidelibus et primatis populi*)<sup>89</sup>. Здесь жупаны также фигурируют в числе лиц, скрепивших грамоту своими подписями<sup>90</sup>. Грамота Мунцимира ясно свидетельствует в пользу тесной связи жупанов с правителем, так как большинство из них выступает в ней в качестве представителей аппарата управления. Наряду с двумя жупанами, осуществлявшими власть на местах (Желивек, жупан Ливна, и Збидраг, жупан Клиса), мы встречаемся в грамоте с целым рядом жупанов, которые несут различные службы при дворе правителя и находятся в ближайшем окружении хорватского дукса и его супруги-комитиссы (жупан палатиума Будимир, жупан-меченосец Приштина, жупан-конюший Првад, жупан-камерарий Желист, жупан-виночерпий Желидбед, жупан-камерарий Боледраг, жупан комитиссы Будимир, жупан-оруженосец Тугина)<sup>91</sup>.

Подобно тому как характер хорватских жупаний заставлял некоторых авторов сомневаться в их «племенном» происхождении, сведения хорватских грамот о функциях и статусе жупанов способствовали зарождению у части исследователей сомнений в том, что эти приближенные к правителю люди некогда являлись «племенными старейшинами». Так, уже в середине XX в. хорватский ученый М. Костренчич высказал мнение о том, что жупаны первоначально составляли военную свиту хорватского правителя<sup>92</sup>. На этом фоне свидетельство императора Константина о «старцах-жупанах» стало восприниматься как ключевое и, в сущности, единственное свидетельство древнейшей, догосударственной, фазы существования данного института. Так, например, по мнению Грачева, это известие, контрастирующее с информацией о жупанах других современных источников, таких как упомянутые выше хорватские грамоты, было почерпнуто императором из более ранних источников<sup>93</sup>.

Попытку оспорить традиционную интерпретацию известия о «старцах-жупанах», приведя его, таким образом, в соответствие с информацией других источников, предпринял российский историк А. А. Горский, исходивший в своих рассуждениях из предполагаемого аварского происхождения термина «жупан». По словам исследователя, отождествление жупана с племенным старейшиной «вызывает сомнение, так как неясно, зачем для обозначения издавна существовавшего у славян института заимствовать иноязычный титул». Горский предположил, что титул был использован славянами для обозначения новых для себя категорий знати, образовавшихся в процессе и в результате славянских миграций, а именно — дружинников (в Хорватии и Моравии) и глав новых этнополитических общностей. Ссылаясь на то, что императору Константину несвойственно употреблять слово «старец» в социальном значении, а также привлекая социальную терминологию древнерусских источников, в которых к представителям элиты нередко добавлялось определение «старейший» в значении «главный», исследователь усматривает в выражении «ζουπανοί γέροντες» перевод гипотетического славянского термина «жупаны старейшие», то есть «главные жупаны».

<sup>89</sup> CD. S. 23.

<sup>90</sup> CD. S. 24.

<sup>91</sup> CD. S. 23.

<sup>92</sup> Kostrenčić M. *Nacrt historije hrvatske države i hrvatskog prava*. Zagreb, 1956. S. 138.

<sup>93</sup> Грачев В. П. Сербская государственность... С. 100.

Такая интерпретация позволила Горскому сделать вывод, что в трактате императора Константина жупанами именовались не «племенные старейшины», а просто не имевшие княжеского титула правители находившихся некогда под аварской властью славянских общностей, первоначально, возможно, назначавшиеся аварами<sup>94</sup>.

Предложенная Горским интерпретация выражения «ζουπανοὶ γέροντες» недавно вызвала возражения со стороны другого российского автора — В. П. Лукина, который справедливо указал, в первую очередь, на отсутствие оснований считать, что используемое императором Константином слово «γέροντες» («старцы» или «старые», но не «старейшие») есть не вполне адекватный перевод славянского социального понятия<sup>95</sup>. Вообще же, по мнению В. П. Лукина, проблема «старцев-жупанов» снимается свидетельством грамоты мейссенских маркграфов Оттона и Дитриха, выданной в 1181 г. одному из саксонских монастырей. В этом документе упоминаются старейшины деревень (*seniores villarum*), которых, по словам источника, местные славяне (лужицкие сербы) именуют на своем языке жупанами<sup>96</sup>. На основании этого позднейшего свидетельства, а также целого ряда других источников, позволяющих говорить о наличии неких «старших» среди славянской знати Полабья и Поморья, В. П. Лукин приходит к выводу о существовании в славянском обществе не относящегося к дружине слоя знати, чье социальное положение определялось в терминах старшинства. Относительно «старцев-жупанов» исследователь констатирует: «во-первых, нет ни малейших оснований считать их дружинниками; во-вторых, византийцы не считали их “архонтами” — князьями, единоличными правителями. Иначе говоря, это были и не дружинники, и не князья, т. е. представители той догосударственной неслужилой знати, которая, по мнению Горского, является “неуловимой”»<sup>97</sup>.

Еще одну попытку найти соответствие словам императора Константина о «старцах-жупанах» в известиях других источников недавно предпринял хорватский историк Ф. Смилянич. Исследователь счел возможным интерпретировать в качестве «старцев-жупанов» представителей двенадцати «знатных племен» королевства Хорватии, фигурирующих в знаменитом средневековом хорватском документе «*Pacta Conventa*» или «*Qualiter*», содержащем текст договора, будто бы заключенного в 1102 г. между хорватскими нобилями и королем Коломаном. Исходя из того, что хорватские нобили, представители так называемых «двенадцати племен», обозначены в документе как «*XII nobile sapientiores*», а по отдельности каждый из них фигурирует в этом же

---

<sup>94</sup> Горский А. А. Славянское расселение и эволюция общественного строя славян // Буданова В. П., Горский А. А., Ермолова И. Е. Великое переселение народов. Этнополитические и социальные аспекты. М., 1999. С. 191–193, 218.

<sup>95</sup> Лукин П. В. «Старцы» или «старшие»? О терминологии славянской «племенной» знати // Славяноведение. 2010. № 2. С. 14–15.

<sup>96</sup> «*Seniores villarum quos lingua sua supanos vocant*» (Codex diplomaticus Saxoniae Regiae / Ed. O. Posse, H. Ermisch. Leipzig, 1889. Bd. II. S. 309). — К. Кадлец приводил данное свидетельство в обоснование тезиса о жупанах как «племенных старейшинах»: Кадлец К. О politycznym ustroju Słowian... S. 67. С фразой императора Константина о «старцах-жупанах» данное известие сопоставлял еще Л. Нидерле: Нидерле Л. Славянские древности / Пер. с чешского Т. Ковалевой, М. Хазанова. М., 2010. С. 668. Примеч. 52.

<sup>97</sup> Лукин П. В. «Старцы» или «старшие»? С. 15–16.

тексте с титулом «comes», как в Хорватии с определенного времени стали именовать жупана, исследователь реконструировал выражение «comes sapiencior», которое, по его мнению, является латинским эквивалентом «старца-жупана». Основанием для такого вывода являются сведения знаменитого средневекового южнославянского нарративного источника — Летописи попа Дуклянина, в хорватской редакции которой используемому в латинской редакции слову «sapientes» соответствует понятие «старцы». Таким образом, по мнению Ф. Смилянича, в свидетельстве документа «*Pacta Conventa*» сохранились следы института, существовавшего у славян в догосударственный период<sup>98</sup>.

Этот краткий обзор суждений по вопросу о «старцах-жупанах», существующих в современной историографии и представляющихся нам наиболее релевантными, хорошо высвечивает одну методологическую проблему. Очевидно, что в интерпретации известий о жупанах многое зависит от избранного тем или иным исследователем угла зрения на проблему, давая возможность как акцентировать внимание на догосударственном характере института жупанов, так и связывать его с генезисом государственной организации. Так, например, Горский, констатируя отсутствие признаков наличия у славян «племенной» знати, тем не менее, характеризует жупанов как «не обладавших княжеским титулом глав этнополитических организмов». Но если считать жупанов главами вождеств, а именно это, судя по всему, предлагает нам Горский, то почему не допустить в их отношении столь естественной эволюции от родовых старейшин к вождям? Единственным препятствием для этого служит убеждение Горского в принципиальной новизне для славянского мира социального института, обозначающегося аварским термином<sup>99</sup>. Между тем, как отмечалось нами в самом начале статьи, интеграция славянских общин в состав военно-политической структуры *Pax Avarica* совсем необязательно предполагала их радикальное переустройство на принципах территориальной организации<sup>100</sup>.

<sup>98</sup> *Smiljanić F.* O položaju i funkciji župana u hrvatskim srednjovjekovnim vrelima od 9. do 16. stoljeća // *Povijesni prilozi*. Zagreb, 2007. Sv. 33. S. 38–39.

<sup>99</sup> Показательно сопоставить позицию А. А. Горского с аргументом против аварского происхождения термина «жупан», высказанным Г. Хольцером. По мнению австрийского ученого, жупаны не могли быть аварским нововведением, так как аварская власть представляла собой порядок, внутри которого сохранялся славянский «племенной» строй (см.: *Holzer G.* Zur Sprache des mittelalterlichen Slaventums in Österreich. Slavisch unter bairischem Einfluss // *Wiener Slavistisches Jahrbuch*. 2002. Bd. 48. S. 57). Очевидно, что для Хольцера славянский «племенной» строй служит аргументом против аварского происхождения термина «жупан», в то время как для Горского аварское происхождение термина «жупан» служит аргументом против «племенного» характера данного института.

<sup>100</sup> «...Было бы не совсем правильным считать, что возникновение кочевой империи представляло собой качественный скачок от племенного общества с сильными родовыми связями к военно-иерархической организации, в которой система традиционных кланово-линейных связей была бы заменена личными иерархическими отношениями. На самом деле любая степная держава была в сущности “имперской конфедерацией” племен и/или вождеств, в которой новые военно-иерархические отношения не только не сменили, а сосуществовали и переплетались со сложной системой кланово-племенной генеалогии номадов» (*Крадин Н. Н.* Структура власти в кочевых империях // *Кочевая альтернатива*

В то же время едва ли можно разделить категоричность процитированного выше суждения В. П. Лукина о том, что жупаны не были князьями, сделанного лишь на том основании, что византийцы не считали их архонтами. О том, почему Константину Багрянородному понадобилось различать в славянском мире жупанов и архонтов, уже достаточно говорилось в первой части статьи. Возможно, именно существовавшая в Константинополе информация о правившем во второй четверти IX в. вожде Травунии Белое, носившем титул жупана, побудила императора акцентировать мысль о том, что те славянские правители, которых в Константинополе считали архонтами, суть результат осуществленного Константинополем переустройства славянского мира на Балканах. Если это так, то вряд ли можно говорить о том, что в социальном статусе тех, кого славяне называли жупанами, и тех, кого признавали архонтами в Византии, в реальности существовала какая-то разница. Иными словами, то обстоятельство, что старцы-жупаны не были архонтами для императора Константина, совершенно не означает, что они не могли быть главами вождеств. Поэтому предлагаемое Лукиным гипотетическое соотнесение недружинной знати (и, судя по контексту, также «старцев-жупанов» Константина Багрянородного) с социальной категорией грейтменов, выделяемых М. Годелье в качестве особой модели лидерства, основанной на личных качествах, представляется излишним усложнением картины<sup>101</sup>.

Традиционное для историографии конца XIX – первой половины XX в. представление о том, что наличие на западе Балкан родственных коллективов, именовавшихся по-славянски «племенами», является свидетельством длительного сохранения здесь «родоплеменных» порядков, еще в середине XX в. признано устаревшим<sup>102</sup>. Более того, в последнее время в историографии было продемонстрировано, что засвидетельствованные в Хорватии формы родственной организации знати были в принципе характерны для ряда стран Европы в эпоху классического Средневековья<sup>103</sup>. С одной стороны, это свидетельствует против ретроспективного подхода Ф. Смиляничича к информации

---

социальной эволюции / Отв. ред. Н. Н. Крадин, Д. М. Бондаренко. М., 2002. С. 87). Вряд ли этот базовый принцип организации не выдерживался в отношении славян.

<sup>101</sup> В подтверждение сохраняющейся актуальности традиционного взгляда на «старцев-жупанов» как на родовых старейшин, которые могли эволюционировать в глав более или менее крупных (простых или сложных) вождеств, сошлемся на аргументы, приведенные П. Л. Белковым против понимания «старейшины рода» и «бигмена» как стадийных типов лидерства в первобытном обществе. Анализируя основные характеристики бигмена, выделяемые М. Салинзом, П. Л. Белков счел неоправданным выделение бигмена как особой стадии в эволюции форм лидерства, так как речь, по его мнению, идет об универсальном типе неформального лидера. Приводя конкретные примеры того, как одно и то же лицо могло совмещать в себе статус старейшины рода с социальной ролью бигмена, антрополог приходит к выводу о принципиальной возможности интерпретировать одно и то же явление как на языке формального, так и неформального лидерства (см.: *Белков П. Л. Вожди и бигмены (о механизмах становления вождества) // Ранние формы политической организации: от первобытности к государственности* / Отв. ред. В. А. Попов. М., 1995. С. 126–139).

<sup>102</sup> См.: *Mandić O. Bratstvo u ranosrednjovjekovnoj Hrvatskoj*. S. 225–236.

<sup>103</sup> См. особенно: *Karbić D. Hrvatski plemićki rod i običajno pravo. Pokušaj analize // Zbornik Odsjeka za povijesne znanosti Zavoda za povijesne i društvene znanosti HAZU*. 1998. Sv. 16. S. 73–117.

«*Pacta Conventa*», не говоря уже о том, что, согласно одной давно существующей в историографии концепции, сама институция «двенадцати хорватских племен» есть инвенция XIV столетия, связанная с политической консолидацией могущественных хорватских родов в условиях феодализации, проводимой венгерско-хорватским королем Людовиком Великим<sup>104</sup>. С другой стороны, вопрос о времени и обстоятельствах складывания хорватских «племен» до сих пор остается нерешенным<sup>105</sup>. В пользу возможности их весьма древнего происхождения, современному появлению славян на Балканах, справедливо приводится факт большой устойчивости названий «племен», нередко остававшихся неизменными на протяжении ряда веков<sup>106</sup>. Невозможно поэтому исключать того, что среди «старцев-жупанов», упомянутых императором Константином, могли быть главы родственных коллективов, совершенно аналогичных тем, что существовали в Хорватии в XII–XIV вв. Другое дело, что на примере этих родственных коллективов хорошо видна непродуктивность схем социального развития южных славян, базирующихся на жесткой дихотомии «родоплеменной эпохи» VII–VIII вв. и «эпохи княжеств» IX–X вв.<sup>107</sup>

Между тем, именно указанная дихотомия по-прежнему определяет современные научные интерпретации известия императора Константина о «старцах-жупанах» и архонтах, даже несмотря на все более активное привлечение к анализу социальных процессов в славянском мире современных антропологических концепций<sup>108</sup>. Именно в унаследованном от прежней историографии стремлении более или менее четко разграничить две основные стадии в социально-политическом развитии славян, связав их с одним определяющим принципом социально-политической организации, и видится нам основная проблема интерпретации известия императора Константина об эпохе старцев-жупанов и эпохе архонтов. Соглашаясь с мнением М. Анчича, что это изве-

<sup>104</sup> Аргументацию данного тезиса см. в работе Н. Клаич: *Klaić N. Postanak plemstva dvanaestero plemena kraljevine Hrvatske*. S. 14–64. Об историографии вопроса и его современном состоянии см.: *Margetić L. Povezanost strukture hrvatskog društva i političkih odnosa u srednjem vijeku (do pojave staleža)* // Rad HAZU. 2003. Knj. 487. S. 112–131.

<sup>105</sup> *Jurković I. Vrhrički i hlivanjski plemeniti rod Čubranića do sredine 15. stoljeća. Njihov društveni položaj, prostorni smještaj i gospodarska moć* // Zbornik Odsjeka za povijesne znanosti Zavoda za povijesne i društvene znanosti HAZU. 2006. Sv. 24. S. 25–69.

<sup>106</sup> См.: *Бромлей Ю. В. Становление феодализма в Хорватии*. М., 1964. С. 194–197.

<sup>107</sup> Как справедливо подчеркивает Д. М. Бондаренко, «нет никаких оснований искать в истории того или иного общества момент некоего скачка — от полного (или даже почти полного) доминирования родства к абсолютному господству территориальных связей» (*Бондаренко Д. М. Родственный и территориальный принципы организации общества и феномен государства* // Ранние формы политических систем. С. 116).

<sup>108</sup> В этом смысле трудно не поддержать позицию Ф. Курты, подвергнувшего критике модель сегментированной линиджной системы в отношении славянского социума как не учитывающую важных факторов социальной динамики (см.: *Curta F. The making of the Slavs: History and archaeology of the Lower Danube Region*, с. 500–700. Cambridge; New York, 2001). P. 319–325. Анализ славянских политических организмов в рамках теории вожеств, выявление их характера и эволюции, в том числе в сопоставлении с гигантским материалом, собранным по данной теме в других уголках мира, пока остаются в области *desiderata*.

стие является, прежде всего, отражением социальной теории, являвшейся элементом византийского социального знания той эпохи, а не просто трансляцией имперской идеологии или ситуативно обусловленной нарративной конструкцией, стоит отдать должное ее творцам. Выделение в ее рамках своего рода стадийных форм власти (власти жупанов и власти архонтов), как и акцент на роли внешнего фактора в политогенезе, созвучный некоторым новейшим подходам к «вторичной государственности», оказались довольно близки представлениям современных историков о разложении «родоплеменного» строя и генезисе государственности в славянском мире. В этом смысле можно говорить о принципиальной близости теоретических воззрений ученого императора и современных исследователей. Однако вряд ли это дает нам право рассматривать объяснительную схему социально-политического развития, изложенную Константином Багрянородным, как подтверждение правильности современных представлений о будто бы имевшей место в славянском мире социальной трансформации.

### Данные о статье

Работа выполнена при поддержке гранта Президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых российских ученых — кандидатов наук (МК–5950.2012.6 «Потестарные образования в славянском мире в VII–X вв.: эволюция структур власти и этносоциальные процессы»).

**Автор:** Алимов, Денис Евгеньевич — кандидат исторических наук, старший преподаватель Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург, Россия, [aljimov@mail.ru](mailto:aljimov@mail.ru)

**Заголовок:** От жупанов к архонтам: Социальная эволюция или нарративная конструкция?

**Резюме:** В статье рассматривается известие 29-й главы трактата византийского императора Константина VII Багрянородного «Об управлении империей» (середина X в.) о том, как у славян на Балканах на смену возглавлявшим их старцам-жупанам пришли обладавшие наследственной властью архонты. Именно это известие часто рассматривалось в историографии в качестве ключевого свидетельства стадийности в развитии славянской социальной организации от первоначально акефального общества (эпоха старейшин-жупанов) до политически организованного социума, в котором существовала княжеская власть (эпоха архонтов). Автор статьи задается вопросом, в какой мере интерпретация данного известия под углом зрения социальной эволюции продиктована самой информацией источника, а в какой — теоретическим контекстом существующих в науке представлений о характере раннеславянского общества. В результате анализа данного известия в контексте свойственных Константину Багрянородному представлений о раннем прошлом сербов и хорватов, автор приходит к выводу, что пассаж о жупанах и архонтах не является только идеологически мотивированной конструкцией. В случае с императором Константином мы имеем дело с одним из первых теоретических объяснений социальной эволюции в варварском обществе. Данное императором объяснение выглядит настолько правдоподобным и логичным, что оказывается созвучным актуальным и для современной науки теориям об акефальном обществе и вторичной государственности. Между тем, как подчеркивает автор, реальное развитие славянского социума было гораздо более сложным.

**Ключевые слова:** Константин Багрянородный, «Об управлении империей», сербы, хорваты, жупан, политогенез

**Литература, использованная в статье**

- Акимова, Ольга Анатольевна.* Формирование хорватской раннефеодальной государственности // Раннефеодальные государства на Балканах. VI–XII вв. / Отв. ред. Литаврин, Геннадий Григорьевич. Москва: Наука, 1985. С. 219–249.
- Алимов, Денис Евгеньевич.* «Переселение» и «крещение»: К проблеме формирования хорватской этничности в Далмации // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana.* № 2 (4). 2008. С. 94–116.
- Алимов, Денис Евгеньевич.* Формирование хорватской этнополитической общности в Далмации в зеркале этногенетической традиции // Российские и славянские исследования. Минск: БГУ, 2009. Вып. IV. С. 93–101.
- Алимов, Денис Евгеньевич.* Хорваты в Далмации в VII–IX вв.: Формирование этнополитической общности // Ранние формы политических систем / Сост. и отв. ред. Попов, Владимир Александрович. Санкт-Петербург: Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера), 2012. С. 279–329.
- Алимов, Денис Евгеньевич.* Хорватская идентичность в раннее Средневековье: Проблема интерпретации // Вестник СПбГУ. Сер. 2. 2013. Вып. 4. С. 99–108.
- Белков, Павел Людвигович.* Вожди и бигмены (о механизмах становления вождества) // Ранние формы политической организации: От первобытности к государственности / Отв. ред. Попов, Владимир Александрович. Москва: Наука, 1995. С. 126–139.
- Белков, Павел Людвигович.* «Эпос миграций» в системе атрибутов традиционной власти // Символы и атрибуты власти: Генезис, семантика, функции / Отв. ред. Попов, Владимир Александрович. Санкт-Петербург: Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера), 1996. С. 63–71.
- Бондаренко, Дмитрий Михайлович.* Родственный и территориальный принципы организации общества и феномен государства // Ранние формы политических систем / Сост. и отв. ред. Попов, Владимир Александрович. Санкт-Петербург: Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера), 2012. С. 99–134.
- Бромлей, Юлиан Владимирович.* Становление феодализма в Хорватии. Москва: Наука, 1964. 407 с.
- Васильев, Валерий Леонидович.* Архаическая топонимия Новгородской земли (Древнеславянские деантропонимные образования). Великий Новгород: Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого, 2005. 468 с.
- Горский, Антон Анатольевич.* Славянское расселение и эволюция общественного строя славян // Буданова, Вера Павловна; Горский, Антон Анатольевич; Ермолова, Ирина Евгеньевна. Великое переселение народов. Этнополитические и социальные аспекты. Москва: Институт российской истории РАН, 1999. С. 156–221.
- Грачев, Виктор Петрович.* Из истории изучения славянских средневековых институтов (Вопрос о жупах и жупанах в историографии) // Ученые записки Института славяноведения АН СССР. 1965. Т. 29. С. 178–209.
- Грачев, Виктор Петрович.* Термины «жупа» и «жупан» в сербских источниках и трактовка их в историографии (К изучению политической организации в средневековой Сербии) // Источники и историография славянского средневековья / Отв. ред. Никитин, Сергей Александрович. Москва: Наука, 1967. С. 3–52.
- Грачев, Виктор Петрович.* Сербская государственность в X–XIV вв. Критика теории «жупной организации». Москва: Наука, 1972. 332 с.

- Живковић, Тибор.* Тактикон Успенског и тема Далмација // Историјски часопис. 2002. Књ. 48. С. 9–44.
- Живковић, Тибор.* Портрети српских владара (IX–XII век). Београд: Завод за уџбенике и наставна средства; Нови Сад: Будућност, 2006. 196 с.
- Живковић, Тибор.* Јужни Словени под византијском влашћу 600–1025. 2. изд. Београд: Чигоја штампа, 2007. 499 с.
- Живковић, Тибор.* О такозваној «Хроници српских владара» из списка *De administrando Imperio* цара Константина VII Порфирогенита // Византијски свет на Балкану / Уредници Бојана Крسمановић, Љубомир Максимовић, Радивој Радић. Београд: Византолошки институт САНУ, 2012. С. 313–332.
- Јанковић, Борђе.* Српско поморје од 7. до 10. столећа. Београд: Српско археолошко друштво: Желнид, 2007. 257 с.
- Клаић, Нада.* Новији радови на друштвеној проблематици средњовековне Хрватске // Годишњак историског друштва Босне и Херцеговине. Год. X (1949–1959). Сарајево, 1959. С. 333–354.
- Ковачевић, Јован.* Од досељења Словена до краја XII вијека // Историја Црне Горе. Књ. I. Од најстаријих времена до краја XII вијека. Титоград: Редакција за историју Црне Горе, 1967. С. 251–429.
- Коматина, Предраг.* Оснивање Патраске и Атинске митрополије и Словени на Пелопонезу // Зборник радова Византолошког института. 2009. Књ. 46. С. 27–52.
- Коматина, Предраг.* Моравски епископ Агатон на Фотијевом сабору 879. г. // Српска теологија данас (Зборник радова Првог годишњег симпозиона одржаног на Православном богословском факултету 29–30. маја 2009) / Уредник Богољуб Шилјаковић. Београд: Православни богословски факултет, 2010. С. 359–368.
- Кораћ, Војислав.* Мартинићи: Остаци раносредњовековног града. Београд: Српска академија наука и уметности, 2001. 219 с.
- Крадин, Николай Николаевич.* Структура власти в кочевых империях // Кочевая альтернатива социальной эволюции / Отв. ред. Крадин, Николай Николаевич; Бондаренко, Дмитрий Михайлович. Москва: Центр цивилизационных и региональных исследований РАН, 2002. С. 79–90.
- Литаврин, Геннадий Григорьевич.* Славинии VII–IX вв. — социально-политические организации славян // Этногенез народов Балкан и Северного Причерноморья: Лингвистика, история, археология. Москва: Наука, 1984. С. 193–203.
- Лукин, Павел Владимирович.* «Старцы» или «старшие»? О терминологии славянской «племенной» знати // Славяноведение. 2010. № 2. С. 12–30.
- Мишин, Дмитрий Евгеньевич.* Сакалиба (славяне) в исламском мире в раннее средневековье. Москва: Институт востоковедения РАН: Издательство «Крафт+», 2002. 368 с.
- Нидерле, Любор.* Славянские древности / Пер. с чешского Т. Ковалевой, М. Хазанова. Москва: Культурный центр «Новый Акрополь», 2010. 744 с.
- Новаковић, Бојан.* Лонтодокла и питање континуитета Дукље // Историјски записи. 2006. Бр. 1–4. С. 251–262.
- Новаковић, Бојан.* Дукља у спису *De administrando imperio* // Зборник радова Византолошког института. 2012. Књ. 49. С. 75–86.
- Новаковић, Бојан.* Карта као извор за поглавља 29–36 списка *De administrando imperio* // Иницијал. Часопис за средњовековне студије. Београд, 2013. Књ. 1. С. 33–48.

*Новаковић, Релја.* Одакле су Срби дошли на Балканско полуострво (Историјско-географско разматрање). Београд: Историјски институт у Београду: Издаваћко предузеће «Народна књига», 1978. 415 с.

*Острогорски, Георгије.* Порфирогенитова хроника српских владара и њени хронолошки подаци // Историјски часопис. 1948. Књ. 1–2. С. 24–29.

*Плетерскиј, Андрей.* О «the Making of the Slavs» изнутри // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2008. № 2 (4). С. 33–36.

*Ронин, Владимир Карлович.* Грамота Тассило III Кремсмюнстерскому манастирју // Свод древнейших письменных известий о славянах. Т. II (VII–IX вв.) / Составители: Иванов, Сергей Аркадьевич; Литаврин, Геннадий Григорьевич; Ронин, Владимир Карлович. Отв. ред. Литаврин, Геннадий Григорьевич. Москва: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1995. С. 429–434.

*Ферлуга, Јадран.* Византиска управа у Далмацији. Београд: Издавачка установа Српске академије наука, 1957. 169 с.

*Ферлуга, Јадран.* Византија и постанак најранијих јужнословенских држава // Зборник радова Византолошког института. 1968. Књ. XI. С. 55–66.

*Цветковић, Милош.* Укључивање Словена и Влаха у систем византијске провинцијске организације на југу Балкана до XI века. Сличности и разлике // Зборник радова Византолошког института. 2012. Књ. 49. С. 19–41.

*Шушарин, Владимир Павлович.* Ранний этап этнической истории венгров. Проблемы этнического самосознания. Москва: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1997. 512 с.

*Alemaný, Augustí.* From Central Asia to the Balkans: the title \*ču(b)-pān // In *Daēnā to Dîn: Religion, Kultur und Sprache in der iranischen Welt* / Ed. by Christine Allison, Anke Joisten-Pruschke, and Antje Wendtland. Wiesbaden: Harrassowitz, 2009. S. 3–12.

*Ančić, Mladen.* The Waning of the Empire. The Disintegration of Byzantine Rule on the Eastern Adriatic in the 9<sup>th</sup> Century // *Hortus Artium Medievalium*. 1998. Vol. 4. P. 15–24.

*Ančić, Mladen.* Imperij na zalasku. Nestanak bizantske vlasti na istočnoj obali Jadrana u 9. stoljeću // *Radovi Zavoda za povijesne znanosti HAZU u Zadru*. 1999. Sv. 41. S. 1–20.

*Ančić, Mladen.* Što «svi znaju» i što je «svima jasno». Historiografija i nacionalizam. Zagreb: Hrvatski institute za povijest, 2008. 270 s.

*Ančić, Mladen.* Zamišljanje tradicije: Vrijeme i okolnosti postanka 30. glave djela *De administrando imperio* // *Radovi Zavoda za hrvatsku povijest*. Zagreb, 2010. Knj. 42. S. 133–152.

*Ančić, Mladen.* Ranosrednjovjekovni Neretvani ili Humljani: Tragom zabune koju je prouzročilo djelo *De administrando imperio* // *Hum i Hercegovina kroz povijest*. Zbornik radova s međunarodnoga znanstvenog skupa održanog u Mostaru 5. i 6. studenog 2009. Knj. I / Ur. Ivan Lučić. Zagreb, 2011. S. 217–278.

*Basić, Ivan.* Neka pitanja tekstualne transmisije izvora Porfirogenetovih poglavlja o Dalmaciji // *Radovi Zavoda za hrvatsku povijest*. 2012. Knj. 44. S. 175–196.

*Bogucki, Ambroży.* Komes w polskich źródłach średniowiecznych (Roczniki Towarzystwa naukowego w Toruniu. Rocznik 76. Zeszyt 3). Warszawa; Poznań: Państwowe wydawnictwo naukowe, 1972. 117 s.

*Borri, Francesco.* White Croatia and the arrival of the Croats: an interpretation of Constantine Porphyrogenitus on the oldest Dalmatian history // *Early Medieval Europe*. 2011. Vol. 19 (2). P. 204–231.

- Budak, Neven.* Die südslawischen Ethnogenesen an der östlichen Adriaküste im frühen Mittelalter // Typen der Ethnogenese unter besonderer Berücksichtigung der Bayern. Teil 1 / Hrsg. von H. Wolfram und W. Pohl. Wien, 1990. S. 129–136.
- Budak, Neven.* Prva stoljeća Hrvatske. Zagreb: Hrvatska sveučilišna naklada, 1994. 248 s.
- Curta, Florin.* The making of the Slavs: History and archaeology of the Lower Danube Region, c. 500–700. (Cambridge Studies in Medieval Life and Thought, Fourth Series). Cambridge; New York: Cambridge University Press, 2001. 463 p.
- Curta, Florin.* The Slavic *lingua franca* (linguistic notes of an archeologist turned historian) // East Central Europe. 2004. Vol. 31. P. 125–148.
- Curta, Florin.* Southeastern Europe in the Middle Ages, 500–1250. Cambridge: Cambridge University Press, 2006. 496 p.
- Curta, Florin.* Emperor Heraclius and the conversion of the Croats and Serbs // Medieval Christianitas. Different Regions, «Faces», Approaches / Ed. Stepanov, Tsvetelin; Kazakov, Georgi (Mediaevalia Christiana, 3). София, 2010. С. 121–138.
- Dopsch, Alfons.* Die ältere Sozial- und Wirtschaftsverfassung der Alpenlawen. Weimar: H. Böhlau, 1909. 179 s.
- Dzino, Danijel.* Novi pristupi izučavanju ranog hrvatskog identiteta // Radovi Zavoda za hrvatsku povijest. Zagreb, 2009. Knj. 41. S. 33–54.
- Dzino, Danijel.* Becoming Slav, becoming Croat: Identity transformations in post-Roman and early medieval Dalmatia. Leiden; Boston: Brill, 2010. 271 p.
- Dzino, Danijel.* Pričam ti priču: Ideološko-narativni diskursi o dolasku Hrvata u De administrando imperio // Radovi Zavoda za hrvatsku povijest. Zagreb, 2010. Knj. 42. S. 153–165.
- Ferluga, Jadran.* Archon: Ein Beitrag zur Untersuchung der südslawischen Herrschertitel im 9. und 10. Jahrhundert im Lichte der byzantinischen Quellen // Tradition als historische Kraft / Hrsg. von Norbert Kamp und Joachim Wollasch. Berlin: de Gruyter 1982. S. 254–266.
- Fokt, Krzysztof.* Serbowie w najdawniejszym podziale Słowiańszczyzny // Slavia Antiqua. 2003. T. XLIV. S. 9–32.
- Gillett, Andrew* (ed.). On barbarian identity: Critical approaches to ethnicity in the early Middle Ages. Turnhout: Brepols Publishers, 2002. 265 p.
- Grafenauer, Bogo.* Prilog kritici izvještaja Konstantina Porfirogeneta o doseljenuju Hrvata // Historijski zbornik. 1952. God. V. Br. 1–2. S. 1–56.
- Grafenauer, Bogo.* Vprašanja županov, «Hrvatov» in ustoličevanja koroških vojvod // Naša sodobnost. 1955. Letnik 3. Št. 11–12. S. 1125–1146.
- Hauptmann, Ljudmil.* Dolazak Hrvata // Zbornik kralja Tomislava (Posebna izdanja Jugoslavenske akademije znanosti i umjetnosti. Knj. 17). Zagreb: Jugoslavenska akademija znanosti i umjetnosti, 1925. S. 86–127.
- Hauptmann, Ljudmil.* Staroslovenska družba in obred na knežjem kamnu (Slovenska akademija znanosti in umetnosti. Razred za zgodovinske in družbene vede. Dela 10. Inštitut za zgodovino. Sekcija za občo in narodno zgodovino. 2). Ljubljana: Slovenska akademija znanosti in umetnosti, 1954. 164 s.
- Helimski, Eugen.* On probable Tungus-Manchurian origin of the Buyla inscription from Nagy-Szentmiklós // Studia Etymologica Cracoviensia. Cracoviae, 2000. Vol. V. P. 268–277.
- Holzer, Georg.* Zur Sprache des mittelalterlichen Slaventums in Österreich. Slavisch unter bairischem Einfluss // Wiener Slavistisches Jahrbuch. 2002. Bd. 48. S. 53–73.
- Howard-Johnston, James D.* The De administrando imperio: A re-examination of the text and a re-evaluation of its evidence about the Rus // Les centres proto-urbains russes entre Scandinavie,

Byzance et Orient. Actes du Colloque International tenu au Collège de France en octobre 1997 / Ed. par Michel Kazanski, Anne Nercessian, Constantin. Zuckermann. Paris: Éditions P. Lethielleux, 2000. P. 301–336.

*Howard-Johnston, James D.* Byzantine sources for Khazar history // The World of the Khazars: New perspectives: Selected papers from the Jerusalem 1999 International Khazar Colloquium / Ed. by Peter B. Golden, Haggai Ben-Shammai and András Róna-Tas. Leiden: Brill, 2007. P. 163–193.

*Jenkins, Romilly James Heald.* Introduction // *Constantine Porphyrogenitus*. De administrando imperio. Vol. II: Commentary / Edited by R. J. H. Jenkins, with contributions by F. Dvornik, R. J. H. Jenkins, B. Lewis, Gy. Moravcsik, D. Obolensky, S. Runciman. London: Athlone Press, 1962. P. 1–8.

*Jurković, Ivan.* Vrhrički i hlivanjski plemeniti rod Čubranića do sredine 15. stoljeća. Njihov društveni položaj, prostorni smještaj i gospodarska moć // Zbornik Odsjeka za povijesne znanosti Zavoda za povijesne i društvene znanosti HAZU. 2006. Sv. 24. S. 25–69.

*Kadlec, Karol.* Opolitycznym stroju Słowian, zwłaszcza zachodnich, przed X wiekiem // Encyklopedia polska. T. IV. Cz. 2. Dz. V. Początki kultury słowiańskiej / Opracowali Aleksander Bruckner, Lubor Niederle, Karol Kadlec. Kraków: Nakładem Akademii Umiejętności, 1912. S. 31–73.

*Karbić, Damir.* Hrvatski plemićki rod i običajno pravo. Pokušaj analize // Zbornik Odsjeka za povijesne znanosti Zavoda za povijesne i društvene znanosti HAZU. 1998. Sv. 16. S. 73–117.

*Klaić, Nada.* Postanak plemstva dvanaestero plemena kraljevine Hrvatske // Historijski zbornik. 1959. God. XI–XII. S. 14–64.

*Koder, Johannes.* Zu den Archontes der Slaven in De Administrando Imperio 29, 106–115 // Wiener Slavistisches Jahrbuch. 1983. Bd. 29. S. 128–131.

*Korać, Vojislav.* Crkva sv. Tome u Prčanju u Boki kotorskoj // Зборник Филозофског факултета у Београду. 1970. Књ. XI. Бр. 1. С. 107–117.

*Kostrenčić, Marko.* Nacrt historije hrvatske države i hrvatskog prava. Zagreb: Školska knjiga, 1956. 235 s.

*Lončar, Miljenko.* O Porfirogenetovoj Dalmaciji // Diadora. 1990. Sv. 12. S. 391–400.

*Lončar, Miljenko.* Porfirogenetova seoba Hrvata pred sudom novije literature // Diadora. 1992. Sv. 14. S. 375–448.

*Łowmiański, Henryk.* Początki Polski. Z dziejów słowian w I tysiącleciu n. e. T. IV. Warszawa: Państwowe wydawnictwo naukowe, 1970. 538 s.

*Madgearu, Alexandru.* Were the župans really rulers of some Romanian early medieval polities? // Revista de Istorie Socială. 2004. Vol. IV–VII. P. 15–25.

*Malingoudis, Phaedon.* Die Institution des Župans als Problem der frühslavischen Geschichte // Cyrillomethodianum. 1972. Vol. 2. S. 61–71.

*Mandić, Oleg.* Bratstvo u ranosrednjovjekovnoj Hrvatskoj // Historijski zbornik. 1952. God. V. Br. 3–4. S. 225–298.

*Marasović, Tomislav.* «Quincunx» u ranosrednjovjekovnoj arhitekturi Dalmacije // SHP. Ser. III. Split, 1990. Sv. 20. S. 215–224.

*Margetić, Lujo.* Konstantin Porfirogenet i vrijeme dolaska Hrvata // Zbornik Historijskog zavoda JAZU. Zagreb, 1977. Vol. 8. S. 5–88.

*Margetić, Lujo.* Bilješke uz Trpimirovu ispravu (CD I, 3-8) // Zbornik radova Pravnog fakulteta u Splitu. 1993. God. 30. Br. 1. S. 47–51.

*Margetić, Lujo.* Bilješke u vezi s nastankom hrvatske države u 9. stoljeću // Etnogeneza Hrvata / Ur. Neven Budak. Zagreb: Nakladni zavod Matice hrvatske: Zavod za hrvatsku povijest Filozofskog fakulteta, 1995. S. 144–147.

- Margetić, Lujo.* Povezanost strukture hrvatskog društva i političkih odnosa u srednjem vijeku (do pojave staleža) // Rad Hrvatske akademije znanosti i umjetnosti. 2003. Knj. 487. S. 1–150.
- Milošević, Ante* (Glavni urednik). Hrvati i Karolinzi. Dio II. Katalog. Split: Muzej hrvatskih arheoloških spomenika, 2000. 396 s.
- Novaković, Relja.* Baltički Sloveni u Beogradu i Srbiji. Beograd: Narodna knjiga, 1985. 180 s.
- Peisker, Jan.* Die älteren Beziehungen der Slawen zu Turko-Tataren und Germanen und ihre sozialgeschichtliche Bedeutung. Berlin: W. Kohlhammer, 1905. 245 s.
- Peisker, Jan.* The expansion of the Slavs // The Cambridge Medieval History / Ed. by Henry Melvill Gwatkin and James Pounder Whitney. Vol. II: The rise of the Saracens and the foundation of the Western empire. New York: The Macmillan Company, 1913. P. 418–458.
- Pleterski, Andrej.* The trinity concept in the Slavonic ideological system and the Slavonic spatial measurement system // Światowit. 1995. Vol. 40. S. 113–143.
- Pleterski, Andrej.* Strukture tridelne ideologije v prostoru pri Slovanih // Zgodovinski časopis. 1996. Letnik 50. Št. 2. S. 163–185.
- Procházka, Vladimír.* Župa a župan // Slavia Antiqua. 1968. Vol. 15. S. 1–59.
- Rački, Franjo.* Nutarnje stanje Hrvatske prije XII. stoljeća / Priredio Mladen Ančić. Zagreb, 2009.
- Smiljanić, Franjo.* Prilog proučavanju županijskog sustava sklavinije Hrvatske // Etnogeneza Hrvata / Ur. Neven Budak. Zagreb: Nakladni zavod Matice hrvatske: Zavod za hrvatsku povijest Filozofskog fakulteta, 1995. S. 178–192.
- Smiljanić, Franjo.* O položaju i funkciji župana u hrvatskim srednjovjekovnim vrelima od 9. do 16. stoljeća // Povijesni prilozi. Zagreb, 2007. Sv. 33. S. 33–102.
- Todorov, Boris.* Byzantine myths of origins and their functions // Studia Slavica et Balcanica Petropolitana. 2008. Vol. 2 (4). C. 64–72.
- Vedriš, Trpimir.* Razgovor ugodni: Konstantin VII Porfirogenet i percepcije najranije hrvatske povijesti // Radovi Zavoda za hrvatsku povijest. 2010. Knj. 42. S. 13–36.
- Wasilewski, Tadeusz.* Les župy et les županie des slaves méridionaux et leur place dans l'organisation des états médiévaux // I Miedzynarodowy kongres archeologii słowiańskiej. Wrocław: Wydawnictwo Polskiej Akademii Nauk, 1970. S. 217–223.
- Wolfram, Herwig.* Razmatranja o *Origo gentis* // Etnogeneza Hrvata / Ur. Budak, Neven. Zagreb: Nakladni zavod Matice hrvatske: Zavod za hrvatsku povijest Filozofskog fakulteta, 1995. S. 40–53.
- Živković, Tibor.* Constantine Porphyrogenitus' source on the earliest history of the Croats and Serbs // Radovi Zavoda za hrvatsku povijest. 2010. Knj. 42. S. 117–132.
- Živković, Tibor.* O počecima Bosne u ranom srednjem vijeku // Godišnjak Centra za balkanološka ispitivanja ANU BiH. Sarajevo, 2010. Knj. 39. S. 149–161.
- Živković, Tibor.* De Conversione Croatorum et Serborum: A lost source. Belgrade: Institute of History: Čigoja štampa, 2012. 255 p.
- Živković, Tibor.* Nova tumačenja vesti o južnoslovenskim *gentes* u *De administrando imperio* vizantijskog cara Konstantina VII Porfirogenita (944–959) // Godišnjak Centra za balkanološka ispitivanja ANU BiH. Sarajevo, 2012. Knj. 41. S. 201–210.
- Živković, Tibor.* On the baptism of the Serbs and Croats in the time of Basil I (867–886) // Studia Slavica et Balcanica Petropolitana. 2013. № 1 (13). C. 33–53.

### Information about the article

The study was conducted within the framework of the research project supported by the Grant of the President of the Russian Federation for State Support of Young Scientists — Candidates of Sciences (МК–5950.2012.6 «Political Formations in the Slavic World from the Seventh to the Tenth Centuries A. D.: Evolution of Power Structures and Ethno-Social Processes»).

**Author:** Alimov, Denis Eugenievich — Candidate of Historical Sciences, senior lecturer, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia, [aljimov@mail.ru](mailto:aljimov@mail.ru)

**Title:** From *zupanoi* to *archontes*: Social evolution or narrative construction?

**Summary:** The article discusses the passage from the 29<sup>th</sup> chapter of the Byzantine emperor Constantine VII Porphyrogenitus' treatise *De administrando imperio* (c. 950) where is reported of how *archontes*, that are those who had hereditary power status, replaced so-called *zupanoi*-elders, who previously headed early Slavic societies in the Balkans. It was this information that was often considered a key evidence in favor of presumed stadiality of the development of Slavic social organization transformed from originally acephalous society (the *zupanoi* period) to a politically organized society in which there existed a princely power (the *archontes* period). The author raises a question to what extent the interpretation of this passage from the perspective of social evolution was determined by the information of the source itself, and by the theoretical context of current ideas about the nature of early Slavic society. Having examined the passage in the context of Constantine Porphyrogenitus' perception of the early history of the Serbs and Croats, the author concludes that the passage on *zupanoi* and *archontes* is not only ideologically motivated construction. In the case of this passage we deal with one of the first theoretical explanations of social evolution in barbarian society. The explanation proposed by the emperor looks so plausible and logical that harmonizes with current theories of acephalous society and secondary state formation. Meanwhile, the author argues, the real social development of early Slavic society was much more complex.

**Keywords:** Constantine Porphyrogenitus, *De administrando imperio*, early Slavs, Serbs, Croats, župan, politogenesis

### References

- Akimova, Olga Anatol'evna. Formirovanie horvatskoj rannefeodal'noi gosudarstvennosti [The formation of the Croat early feudal statehood], in Litavrin, Gennadii Grigor'evich (ed.). *Rannefeodal'nye gosudarstva na Balkanah. VI–XII vv.* [The early feudal states in the Balkans]. Moscow: Nauka, 1985. Pp. 219–249. (In Russian.)
- Aleman, Augustí. From Central Asia to the Balkans: the title \*ču(b)-pān, in Allison, Christine; Joisten-Pruschke, Anke; Wendtland, Antje (eds.). *In Daēnā to Dīn: Religion, Kultur und Sprache in der iranischen Welt.* Wiesbaden: Harrassowitz, 2009. Pp. 3–12.
- Alimov, Denis Eugenievich. «Pereselenie» i «kreschenie»: K probleme formirovaniya horvatskoj etnichnosti v Dalmatsii [«Migration» and «conversion»: On the formation of the Croat ethnicity in Dalmatia], in *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. Vol. 2 (4). 2008. Pp. 94–116. (In Russian.)
- Alimov, Denis Eugenievich. Formirovanie horvatskoj etnopoliticheskoj obschnosti v Dalmatsii v zerkale etnogeneticheskoj traditsii [The formation of the Croat ethnopolitical community in Dalmatia in the mirror of an ethnogenetic tradition], in *Rossiyskie i slavyanskije issledovaniya* [Russian and Slavic Studies]. Minsk: BGU, 2009. Vol. IV. Pp. 93–101. (In Russian.)

Alimov, Denis Eugenievich. Horvatskaya identichnost' v rannee Srednevekovie: Problema interpretatsii [The Croat identity in the early Middle Ages: The problem of interpretation], in *Vestnik SPbGU*. Ser. 2. 2013. Vol. 4. Pp. 99–108. (In Russian.)

Alimov, Denis Eugenievich. Horvaty v Dalmatsii v VII–IX vv.: Formirovanie etnopoliticheskoj obschnosti [The Croats in Dalmatia in 600–900 A. D.: The formation of an ethnopolitical community], in Popov, Vladimir Aleksandrovich (ed.). *Rannie formy politicheskikh sistem* [Early forms of political systems]. Saint-Petersburg: Muzei antropologii i etnografii im. Petra Velikogo (Kunstkamera), 2012. Pp. 279–329. (In Russian.)

Ančić, Mladen. Imperij na zalasku. Nestanak bizantske vlasti na istočnoj obali Jadrana u 9. stoljeću, in *Radovi Zavoda za povijesne znanosti HAZU u Zadru*. 1999. Sv. 41. Pp. 1–20.

Ančić, Mladen. Ranosrednjovjekovni Neretvani ili Humljani: Tragom zabune koju je prouzročilo djelo De administrando imperio, in Lučić, Ivan (ed.). *Hum i Hercegovina kroz povijest*. Zbornik radova s međunarodnoga znanstvenog skupa održanog u Mostaru 5. i 6. studenog 2009. Knj. I. Zagreb, 2011. Pp. 217–278.

Ančić, Mladen. *Što «svi znaju» i što je «svima jasno»*. *Historiografija i nacionalizam*. Zagreb: Hrvatski institute za povijest, 2008. 270 p.

Ančić, Mladen. The Waning of the Empire. The Disintegration of Byzantine Rule on the Eastern Adriatic in the 9<sup>th</sup> Century, in *Hortus Artium Medievalium*. 1998. Vol. 4. P. 15–24.

Ančić, Mladen. Zamišljanje tradicije: Vrijeme i okolnosti postanka 30. glave djela De administrando imperio, in *Radovi Zavoda za hrvatsku povijest*. 2010. Knj. 42. Pp. 133–152.

Basić, Ivan. Neka pitanja tekstualne transmisije izvora Porfirogenetovih poglavlja o Dalmaciji, in *Radovi Zavoda za hrvatsku povijest*. 2012. Knj. 44. Pp. 175–196.

Belkov, Pavel Ludvigovich. «Epos migratsii» v sisteme atributov traditsionnoi vlasti [«Migration Epos» in the system of attributes of traditional power], in Popov, Vladimir Aleksandrovich (ed.). *Simvolji i atributy vlasti: Genезis, semantika, funktsii* [Symbols and attributes of power: Genesis, semantics, functions]. Saint-Petersburg: Muzei antropologii i etnografii im. Petra Velikogo (Kunstkamera) Publ., 1996. Pp. 63–71. (In Russian.)

Belkov, Pavel Ludvigovich. Vozhdi i bigmeny (o mehanizmah stanovleniya vozhdstva) [Chiefs and bigmen (on the mechanisms of the making of chiefdoms)], in Popov, Vladimir Aleksandrovich (ed.). *Rannie formy politicheskoi organizatsii: Ot pervobytnosti k gosudarstvennosti* [Early forms of political organization: from primitiveness to state]. Moscow: Nauka Publ., 1995. Pp. 126–139. (In Russian.)

Bogucki, Ambroży. *Komes w polskich źródłach średniowiecznych (Roczniki Towarzystwa naukowego w Toruniu. Rocznik 76. Zeszyc 3)*. Warszawa; Poznań: Państwowe wydawnictwo naukowe, 1972. 117 p.

Bondarenko, Dmitry Mikhailovich. Rodstvennyi i territorial'nyi printsipy organizatsii obschestva I fenomen gosudarstva [Kinship and territoriality principles in the organization of society and the phenomenon of the state], in Popov, Vladimir Aleksandrovich (ed.). *Rannie formy politicheskikh sistem* [Early forms of political systems]. Saint-Petersburg: Muzei antropologii i etnografii im. Petra Velikogo (Kunstkamera) Publ., 2012. Pp. 99–134. (In Russian.)

Borri, Francesco. White Croatia and the arrival of the Croats: An interpretation of Constantine Porphyrogenitus on the oldest Dalmatian history, in *Early Medieval Europe*. 2011. Vol. 19 (2). P. 204–231.

Bromley, Yulian Vladimirovich. *Stanovlenie feodalizma v Horvatii* [The genesis of feudalism in Croatia]. Moscow: Nauka Publ., 1964. 407 p. (In Russian.)

- Budak, Neven. Die südslawischen Ethnogenesen an der östlichen Adriaküste im frühen Mittelalter, in Wolfram, Herwig; Pohl, Walter (eds.). *Typen der Ethnogenese unter besonderer Berücksichtigung der Bayern. Teil I*. Wien, 1990. S. 129–136.
- Budak, Neven. *Prva stoljeća Hrvatske*. Zagreb: Hrvatska sveučilišna naklada, 1994. 248 p.
- Curta, Florin. Emperor Heraclius and the conversion of the Croats and Serbs, in Stepanov, Tsvetelin; Kazakov, Georgi (eds.). *Medieval Christianitas. Different Regions, «Faces», Approaches (Mediaevalia Christiana, 3)*. Sofia, 2010. Pp. 121–138.
- Curta, Florin. *The making of the Slavs: History and archaeology of the Lower Danube Region, c. 500–700*. (Cambridge Studies in Medieval Life and Thought, Fourth Series). Cambridge; New York: Cambridge University Press, 2001. 463 p.
- Curta, Florin. The Slavic lingua franca (linguistic notes of an archeologist turned historian), in *East Central Europe*. 2004. Vol. 31. Pp. 125–148.
- Cvetković, Miloš. Uključivanje Slovena i Vlaha u sistem vizantijske provincijske organizacije na jugu Balkana do XI veka. Sličnosti i razlike, in *Zbornik radova Vizantološkog instituta*. 2012. Knj. 49. Pp. 19–41.
- Dopsch, Alfons. *Die ältere Sozial- und Wirtschaftsverfassung der Alpenlawen*. Weimar: H. Böhlau, 1909. 179 p.
- Dzino, Danijel. *Becoming Slav, becoming Croat: Identity transformations in post-Roman and early medieval Dalmatia*. Leiden; Boston: Brill, 2010. 271 p.
- Dzino, Danijel. Novi pristupi izučavanju ranog hrvatskog identiteta, in *Radovi Zavoda za hrvatsku povijest*. 2009. Knj. 41. Pp. 33–54.
- Dzino, Danijel. Pričam ti priču: Ideološko-narativni diskursi o dolasku Hrvata u De administrando imperio, in *Radovi Zavoda za hrvatsku povijest*. 2010. Knj. 42. Pp. 153–165.
- Ferluga, Jadran. Archon: Ein Beitrag zur Untersuchung der südslawischen Herrschertitel im 9. und 10. Jahrhundert im Lichte der byzantinischen Quellen, in Kamp, Norbert; Wollasch, Joachim (eds.). *Tradition als historische Kraft*. Berlin: de Gruyter 1982. Pp. 254–266.
- Ferluga, Jadran. Vizantija i postanak najranijih jžnoslovenskih država, in *Zbornik radova Vizantološkog instituta*. 1968. Knj. XI. Pp. 55–66.
- Ferluga, Jadran. *Vizantiska uprava u Dalmaciji*. Beograd: Izdavačka ustanova Srpske akademije nauka, 1957. 169 p.
- Fokt, Krzysztof. Serbowie w najdawniejszym podziale Słowiańszczyzny, in *Slavia Antiqua*. 2003. T. XLIV. Pp. 9–32.
- Gillett, Andrew (ed.). *On barbarian identity: Critical approaches to ethnicity in the early Middle Ages*. Turnhout: Brepols Publishers, 2002. 265 p.
- Gorskiy, Anton Anatol'evich. Slavyanskoe rasselenie i evolutsiya obschestvennogo sloya slavyan [The Slavic migration and the evolution of the Slavic social system], in Budanova, Vera Pavlovna; Gorskiy, Anton Anatol'evich; Ermolova, Irina Eugenievna. *Velikoye pereselenie narodov. Etnopoliticheskie i sotsial'nye aspekty [The Great Migration. Ethnopolitical and social aspects]*. Moscow: Institut rossiyskoi istorii RAN Publ., 1999. Pp. 156–221. (In Russian.)
- Grachev, Viktor Petrovich. Iz istorii izucheniya slavyanskikh srednevekovykh institutov (Vopros o zhupah i zhupanah v istoriografii) [From the history of studies on Slavic medieval institutions (The problem of zhupa and zhupan in historiography)], in *Uchenye zapiski Instituta slavyanovedeniya AN SSSR*. 1965. T. 29. Pp. 178–209. (In Russian.)
- Grachev, Viktor Petrovich. *Serbskaja gosudarstvennost' v X–XIV vv. Kritika teorii «zhupnoj organizacii» [Serbian state in 10<sup>th</sup>–14<sup>th</sup> centuries. The criticism of the theory of «zhupa organization»]*. Moscow: Nauka Publ., 1972. 332 p. (In Russian.)

Grachev, Viktor Petrovich. Termini «zhupa» i «zhupan» v serbskih istochnikah i traktovka ih v istoriografii (K izucheniju politicheskoy organizacii v srednevekovoj Serbii) [The terms «zhupa» and «zhupan» in Serbian sources and their interpretation in historiography (A study of political organization in medieval Serbia)], in Nikitin, Sergej Aleksandrovich (ed.). *Istochniki i istoriografija slavjanskogo srednevekov'ja. Sbornik statej i materialov* [Sources and historiography of the Serbian Middle Ages. Collected works and materials]. Moscow: Nauka Publ., 1967. Pp. 3–52. (In Russian.)

Grafenauer, Bogo. Prilog kritici izvještaja Konstantina Porfirogeneta o doseljenju Hrvata, in *Historijski zbornik*. 1952. God. V. Br. 1–2. S. 1–56.

Grafenauer, Bogo. Vprašanja županov, «Hrvatov» in ustoličevanja koroških vojvod, in *Naša sodobnost*. 1955. Letnik 3. Št. 11–12. Pp. 1125–1146.

Hauptmann, Ljudmil. Dolazak Hrvata, in *Zbornik kralja Tomislava (Posebna izdanja Jugoslavenske akademije znanosti i umjetnosti. Knj. 17)*. Zagreb: Jugoslavenska akademija znanosti i umjetnosti, 1925. Pp. 86–127.

Hauptmann, Ljudmil. *Staroslovenska družba in obred na knežjem kamnu (Slovenska akademija znanosti in umetnosti. Razred za zgodovinske in družbene vede. Dela 10. Inštitut za zgodovino. Sekcija za občo in narodno zgodovino. 2)*. Ljubljana: Slovenska akademija znanosti in umetnosti, 1954. 164 s.

Helimski, Eugen. On probable Tungus-Manchurian origin of the Buyla inscription from Nagy-Szentmiklós, in *Studia Etymologica Cracoviensia*. 2000. Vol. V. Pp. 268–277.

Holzer, Georg. Zur Sprache des mittelalterlichen Slaventums in Österreich. Slavisch unter bairischem Einfluss, in *Wiener Slavistisches Jahrbuch*. 2002. Bd. 48. S. 53–73.

Howard-Johnston, James D. Byzantine sources for Khazar history, in Golden, Peter B.; Ben-Shammai, Haggai; Róna-Tas, András (eds.). *The World of the Khazars: New perspectives: Selected papers from the Jerusalem 1999 International Khazar Colloquium*. Leiden: Brill, 2007. Pp. 163–193.

Howard-Johnston, James D. The De administrando imperio: Are-examination of the text and a re-evaluation of its evidence about the Rus, in Kazanski, Michel; Nersessian, Anne; Zuckermann, Constantin (eds.). *Les centres proto-urbains russes entre Scandinavie, Byzance et Orient. Actes du Colloque International tenu au Collège de France en octobre 1997*. Paris: Éditions P. Lethielleux, 2000. Pp. 301–336.

Janković, Đorđe. *Srpsko pomorje od 7. do 10. stoleća*. Beograd: Srpsko arheološko društvo: Želnid, 2007. 257 p.

Jenkins, Romilly James Heald. Introduction, in Jenkins, Romilly James Heald (ed.). *Constantine Porphyrogenitus. De administrando imperio. Vol. II: Commentary*. London: Athlone Press, 1962. Pp. 1–8.

Jurković, Ivan. Vrhrički i hlivanjski plemeniti rod Čubranića do sredine 15. stoljeća. Njihov društveni položaj, prostorni smještaj i gospodarska moć, in *Zbornik Odsjeka za povijesne znanosti Zavoda za povijesne i društvene znanosti HAZU*. 2006. Sv. 24. S. 25–69.

Kadlec, Karol. O politycznym ustroju Słowian, zwłaszcza zachodnich, przed X wiekiem, in Bruckner, Aleksander; Niederle, Lubor; Kadlec, Karol (eds.). *Encyklopedyja polska*. T. IV. Cz. 2. Dz. V. Początki kultury słowiańskiej. Kraków: Nakładem Akademii Umiejętności, 1912. Pp. 31–73.

Karbić, Damir. Hrvatski plemićki rod i običajno pravo. Pokušaj analize, in *Zbornik Odsjeka za povijesne znanosti Zavoda za povijesne i društvene znanosti HAZU*. 1998. Sv. 16. Pp. 73–117.

- Klaić, Nada. Noviji radovi na društvenoj problematici srednjovekovne Hrvatske, in *Godišnjak istoriskog društva Bosne i Hercegovine*. God. X (1949–1959). Sarajevo, 1959. Pp. 333–354.
- Klaić, Nada. Postanak plemstva dvanaestero plemena kraljevine Hrvatske, in *Historijski zbornik*. 1959. God. XI–XII. Pp. 14–64.
- Koder, Johannes. Zu den Archontes der Slaven in De Administrando Imperio 29, 106–115, in *Wiener Slavistisches Jahrbuch*. 1983. Bd. 29. Pp. 128–131.
- Komatina, Predrag. Moravski episkop Agaton na Fotijevom saboru 879. g., in Šiljaković, Bogoljub (ed.). *Srpska teologija danas* (Zbornik radova Prvog godišnjeg simposiona održanog na Pravoslavnom bogoslovskom fakultetu 29–30. maja 2009). Beograd: Pravoslavni bogoslovski fakultet, 2010. Pp. 359–368.
- Komatina, Predrag. Osnivanje Patraske i Atinske mitropolije i Sloveni na Peloponezu, in *Zbornik radova Vizantološkog instituta*. 2009. Knj. 46. Pp. 27–52.
- Korać, Vojislav. Crkva sv. Tome u Prčanju u Boki kotorskoj, in *Zbornik Filozofskog fakulteta u Beogradu*. 1970. Knj. XI. Br. 1. Pp. 107–117.
- Korać, Vojislav. Crkva sv. Tome u Prčanju u Boki kotorskoj, in *Zbornik Filozofskog fakulteta u Beogradu*. Knj. XI. Br. 1. Pp. 107–117.
- Korać, Vojislav. *Martinići: Ostaci ranosrednjovekovnog grada*. Beograd: Srpska akademija nauka i umetnosti, 2001. 219 p.
- Kostrenčić, Marko. *Nacrt historije hrvatske države i hrvatskog prava*. Zagreb: Školska knjiga, 1956. 235 p.
- Kovačević, Jovan. Od doseljenja Slovena do kraja XII vijeka, in *Istorija Crne Gore*. Knj. I. Od najstarijih vremena do kraja XII vijeka. Titograd: Redakcija za istoriju Crne Gore, 1967. Pp. 251–429.
- Kradin, Nikolaj Nikolaevich. Struktura vlasti v kochevyh imperijah [The power structure in nomadic empires], in Kradin, Nikolaj Nikolaevich; Bondarenko, Dmitrij Mihajlovich (eds.). *Kochevaja al'ternativa social'noj jevoljucii* [The nomadic alternative of social evolution]. Moscow: Centr civilizacionnyh i regional'nyh issledovanij RAN, 2002. Pp. 79–90.
- Litavrin, Gennadii Grigor'evich. Slavonii VII–IX vv. — sotsial'no-politicheskie organizatsii slavyan [The 7<sup>th</sup> to 9<sup>th</sup> century *Sklavinias* as socio-political formations of the Slavs], in *Etnogenez narodov Balkan i Severnogo Prichernomorja: Lingvistika, istoriya, arheologiya* [The ethnogenesis of the peoples in the Balkans and the lands north of the Black sea: Linguistics, history, archaeology]. Moscow: Nauka Publ., 1984. Pp. 193–203. (In Russian.)
- Lončar, Miljenko. O Porfirogenetovoj Dalmaciji, in *Diadora*. 1990. Sv. 12. Pp. 391–400.
- Lončar, Miljenko. Porfirogenetova seoba Hrvata pred sudom novije literature, in *Diadora*. 1992. Sv. 14. Pp. 375–448.
- Łowmiański, Henryk. *Początki Polski. Z dziejów słowian w I tysiącleciu n. e. T. IV*. Warszawa: Państwowe wydawnictwo naukowe, 1970. 538 p.
- Lukin, Pavel Vladimirovich. «Startsi» ili «starshie»? O terminologii slavyanskoj «plemnoji» znati [«Elders» or «seniors»? On the terminology of Slavic «tribal nobility»], in *Slavyanovedenie*. 2010. Vol. 2. Pp. 12–30. (In Russian.)
- Madgearu, Alexandru. Were the župans really rulers of some Romanian early medieval polities?, in *Revista de Istorie Socială*. 2004. Vol. IV–VII. Pp. 15–25.
- Malingoudis, Phaedon. Die Institution des Župans als Problem der frühslavischen Geschichte, in *Cyrrillomethodianum*. 1972. Vol. 2. Pp. 61–71.
- Mandić, Oleg. Bratstvo u ranosrednjovekovnoj Hrvatskoj, in *Historijski zbornik*. 1952. God. V. Br. 3–4. Pp. 225–298.

- Marasović, Tomislav. «Quincunx» u ranosrednjovjekovnoj arhitekturi Dalmacije, in *Starohrvatska prosvjeta. Ser. III*. Split, 1990. Sv. 20. Pp. 215–224.
- Margetić, Lujo. Bilješke u vezi s nastankom hrvatske države u 9. stoljeću, in Budak, Neven (ed.). *Etnogeneza Hrvata*. Zagreb: Nakladni zavod Matice hrvatske: Zavod za hrvatsku povijest Filozofskog fakulteta, 1995. Pp. 144–147.
- Margetić, Lujo. Bilješke uz Trpimirovu ispravu (CD I, 3–8), in *Zbornik radova Pravnog fakulteta u Splitu*. 1993. God. 30. Br. 1. Pp. 47–51.
- Margetić, Lujo. Konstantin Porfirogenet i vrijeme dolaska Hrvata, in *Zbornik Historijskog zavoda JAZU*. Zagreb, 1977. Vol. 8. Pp. 5–88.
- Margetić, Lujo. Povezanost strukture hrvatskog društva i političkih odnosa u srednjem vijeku (do pojave staleža), in *Rad Hrvatske akademije znanosti i umjetnosti*. 2003. Knj. 487. Pp. 1–150.
- Milošević, Ante (Glavni urednik). *Hrvati i Karolinzi. Dio II. Katalog*. Split: Muzej hrvatskih arheoloških spomenika, 2000. 396 p.
- Mishin, Dmitry Eugenievich. *Sakaliba (slavyane) v islamskom mire v ranee srednevekov'e* [The Sakaliba (Slavs) in the Islamic world in the early Middle Ages]. Moscow: Institut vostokovedeniya RAN Publ.; «Kraft+» Publ., 2002. 368 p. (In Russian.)
- Niederle, Lubor. *Slavyanskije drevnosti* [Slavic Antiquities]. Translated from Czech by T. Kovaleva and M. Khazanov. Moscow: Kul'turnyi tsentr «Novyi Akropol'» Publ., 2010. 744 p.
- Novaković, Bojan. Duklja u spisu De administrando imperio, in *Zbornik radova Vizantološkog instituta*. 2012. Knj. 49. Pp. 75–86.
- Novaković, Bojan. Karta kao izvor za poglavlja 29–36 spisa *De administrando imperio*, in *Inicijal. Časopis za srednjovekovne studije*. Beograd, 2013. Knj. 1. Pp. 33–48.
- Novaković, Bojan. Lontodokla i pitanje kontinuiteta Duklje, in *Istorijski zapisi*. 2006. Br. 1–4. Pp. 251–262.
- Novaković, Relja. *Baltički Sloveni u Beogradu i Srbiji*. Beograd: Narodna knjiga, 1985. 180 p.
- Novaković, Relja. *Odakle su Srbi došli na Balkansko poluostrvo (Istorijsko-geografsko razmatranje)*. Beograd: Istorijski institut u Beogradu; Izdavačko preduzeće «Narodna knjiga», 1978. 415 p.
- Ostrogorski, Georgije. Porfirogenitova hronika srpskih vladara I njeni hronološki podaci, in *Istorijski časopis*. 1948. Knj. 1–2. Pp. 24–29.
- Peisker, Jan. *Die älteren Beziehungen der Slawen zu Turko-Tataren und Germanen und ihre sozialgeschichtliche Bedeutung*. Berlin: W. Kohlhammer, 1905. 245 s.
- Peisker, Jan. The expansion of the Slavs, in Gwatkin, Henry Melvill; Whitney, James Ponder (eds.). *The Cambridge Medieval History. Vol. II: The rise of the Saracens and the foundation of the Western empire*. New York: The Macmillan Company, 1913. Pp. 418–458.
- Pleterski, Andrej. O «the Making of the Slavs» iznutri [On «the Making of the Slavs» from the inside], in *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2008. Vol. 2 (4). Pp. 33–36. (In Russian.)
- Pleterski, Andrej. Strukture tridelne ideologije v prostoru pri Slovanih, in *Zgodovinski časopis*. 1996. Letnik 50. Št. 2. Pp. 163–185.
- Pleterski, Andrej. The trinity concept in the Slavonic ideological system and the Slavonic spatial measurement system, in *Światowit*. 1995. Vol. 40. S. 113–143.
- Procházka, Vladimír. Župa a župan, in *Slavia Antiqua*. 1968. Vol. 15. Pp. 1–59.
- Rački, Franjo. *Nutarnje stanje Hrvatske prije XII. stoljeća*. Priredio Mladen Ančić. Zagreb: Golden marketing: Tehnička knjiga, 2009. 416 p.
- Ronin, Vladimir Karlovich. Gramota Tassilo III Kremsmjunsterskomu monastirju [The charter of Tassilo III for the monastery in Kremsmünster], in Ivanov, Sergej Arkad'evich; Litavrin,

- Gennadij Grigor'evich; Ronin, Vladimir Karlovich (eds.). *Svod drevnejshih pis'mennyh izvestij o slavjanah*. T. II (VII–IX vv.) [*The collection of ancient source evidence on the Slavs. Vol. II (600–900 AD)*]. Moscow: «Vostochnaja literatura» RAN Publ., 1995. Pp. 429–434. (In Russian.)
- Shusharin, Vladimir Pavlovich. *Ranniј etap etniceskoi istorii vengrov. Problemy etniceskogo samosoznaniya* [*The early stage of the ethnic history of the Hungarians. The problems of ethnic self-consciousness*]. Moscow: Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN), 1997. 512 p.
- Smiljanić, Franjo. O položaju i funkciji župana u hrvatskim srednjovjekovnim vrelima od 9. do 16. stoljeća, in *Povijesni prilozi*. Zagreb, 2007. Sv. 33. Pp. 33–102.
- Smiljanić, Franjo. Prilog proučavanju županijskog sustava sklavinije Hrvatske, in Budak, Neven (ed.). *Etnogeneza Hrvata*. Zagreb: Nakladni zavod Matice hrvatske: Zavod za hrvatsku povijest Filozofskog fakulteta, 1995. Pp. 178–192.
- Todorov, Boris. Byzantine myths of origins and their functions, in *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2008. Vol. 2 (4). Pp. 64–72.
- Vasil'ev, Valerii Leonidovich. *Arhaicheskaia toponimiya Novgorodskoi zemli (Drevneslavjanskie deantroponimnye obrazovaniya)* [*The archaic toponyms of the Novgorod region (Early Slavic antroponymic forms)*]. Velikiy Novgorod: Novgorodskiy gosudarstvennyi universitet imeni Yaroslava Mudrogo Ubl., 2005. 468 p. (In Russian.)
- Vedriš, Trpimir. Razgovor ugodni: Konstantin VII Porfirogenet i percepcije najranije hrvatske povijesti, in *Radovi Zavoda za hrvatsku povijest*. 2010. Knj. 42. Pp. 13–36.
- Wasilewski, Tadeusz. Les župy et les županie des slaves méridionaux et leur place dans l'organisation des états médiévaux, in *I Miedzynarodowy kongres archeologii słowiańskiej*. Wrocław: Wydawnictwo Polskiej Akademii Nauk, 1970. Pp. 217–223.
- Wolfram, Herwig. Razmatranja o Origo gentis, in Budak, Neven (ed.). *Etnogeneza Hrvata*. Zagreb: Nakladni zavod Matice hrvatske: Zavod za hrvatsku povijest Filozofskog fakulteta, 1995. Pp. 40–53.
- Živković, Tibor. Constantine Porphyrogenitus' source on the earliest history of the Croats and Serbs, in *Radovi Zavoda za hrvatsku povijest*. 2010. Knj. 42. Pp. 117–132.
- Živković, Tibor. *De Conversione Croatorum et Serborum: A lost source*. Belgrade: Institute of History: Čigoja štampa, 2012. 255 p.
- Živković, Tibor. *Južni Sloveni pod vizantijskom vlašću 600–1025*. 2. izd. Beograd: Čigoja štampa, 2007. 499 p.
- Živković, Tibor. Nova tumačenja vesti o južnoslovenskim gentes u De administrando imperio vizantijskog cara Konstantina VII Porfirogenita (944–959), in *Godišnjak Centra za balkanološka ispitivanja ANU BiH*. Sarajevo, 2012. Knj. 41. S. 201–210.
- Živković, Tibor. O počecima Bosne u ranom srednjem vijeku, in *Godišnjak Centra za balkanološka ispitivanja ANU BiH*. Sarajevo, 2010. Knj. 39. Pp. 149–161.
- Živković, Tibor. O takozvanoj «Hronici srpskih vladara» iz spisa *De administrando Imperio* cara Konstantina VII Porfirogeneta, in Krsmanović, Bojana; Maksimović, Ljubomir; Radić, Radivoj (eds.). *Vizantijski svet na Balkanu*. Beograd: Vizantološki institut SANU, 2012. Pp. 313–332.
- Živković, Tibor. On the baptism of the Serbs and Croats in the time of Basil I (867–886), in *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2013. Vol. 1 (13). Pp. 33–53.
- Živković, Tibor. *Portreti srpskih vladara (IX–XII vek)*. Beograd: Zavod za udžbenike i nastavna sredstva: Novi Sad: Budućnost, 2006. 196 p.
- Živković, Tibor. Taktikon Uspenskog i tema Dalmacija, in *Istorijski časopis*. 2002. Knj. 48. Pp. 9–44.